Н. Рожковъ.

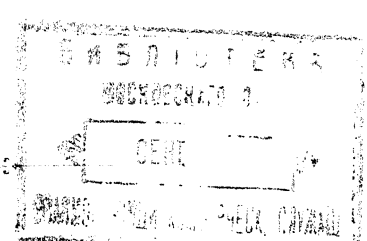
ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ

331.
Р.
63

РАЗВИТІЯ

ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ЯВЛЕНІЙ.

(Краткій очеркъ соціологіи).

ПОСТАВЩ. ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ,
Т-во СКОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ
МАМОНОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.
1907.

036
32

I.

Человѣкъ еще въ пору своего младенчества начинаетъ пріобрѣтать *знанія*. Каждый народъ уже на зарѣ своего историческаго существованія стремится къ знанію, пополняетъ запасъ своихъ знаній. Нетрудно однако понять, что знанія младенца и первобытнаго народа отличаются двумя отличительными чертами: эти знанія, во-первыхъ, безсистемны, случайны, во-вторыхъ, они лишены всякаго практическаго значенія, накопленіе ихъ не имѣетъ цѣлью удовлетвореніе житейскихъ потребностей,—оно безцѣльно и безполезно. Безсознательное, инстинктивное и праздное любопытство—вотъ основной психическій мотивъ, руководящій младенцемъ и дикаремъ въ его стремленіи къ знанію. Отъ любопытства надо строго отличать любознательность—живое стремленіе къ цѣльному, стройному, систематизированному, связному знанію и притомъ къ знанію жизненному, имѣющему тѣсную связь съ общественными и личными потребностями и интересами. Такое знаніе называется *наукой*.

Итакъ, наука, во-первыхъ, есть *систематическое* знаніе, во-вторыхъ, знаніе *жизненное*, имѣющее отношеніе къ потребностямъ личности и общества.

Это опредѣленіе нуждается однако еще въ нѣкоторыхъ дополнительныхъ разъясненіяхъ.

Прежде всего: на чемъ должна покоиться система знаній, называемая наукой, въ чемъ—иными словами—должно заключаться основное начало этой системы? Оно заключается въ понятіи *причинности*, причинной связи явленій. Мы разумѣемъ здѣсь, конечно, причинность въ положительномъ смыслѣ этого слова, чуждомъ всякой метафизики: конечно, не всякое явленіе, совершившееся раньше другого, можно признать причиной послѣдняго, но если мы замѣчаемъ, что два явленія *постоянно* совершаются въ *одинаковой* послѣ-

довательности, то мы въ правѣ одно изъ нихъ—предшествующее—считать причиной другого—послѣдующаго; значитъ *причинностью называется постоянная послѣдовательность явленій*.

Затѣмъ: въ какомъ смыслѣ надо понимать жизненность научнаго знанія? Значитъ ли это, что научные выводы должны всегда имѣть *непосредственное* приложеніе къ жизни, что они должны отличаться узко-утилитарнымъ характеромъ? Ни въ какомъ случаѣ. Жизненность научнаго знанія надо понимать лишь въ томъ смыслѣ, что наука обязана изучать жизнь, дѣйствительность въ чаяніи,—точнѣе говоря—въ полной увѣренности, что изученіе дѣйствительности даетъ человѣку матеріалы и средства для созданія практическихъ, прикладныхъ наукъ, эти послѣднія, опираясь на теорію, разрѣшатъ всѣ практическіе, утилитарные вопросы и построятъ такимъ образомъ мостъ между теоретическимъ знаніемъ и жизнью.

Для цѣлей научнаго изслѣдованія недостаточно однако установить причинную связь между двумя конкретными явленіями. Наука должна стремиться къ большему. Въ самомъ дѣлѣ: когда Ньютонъ сталъ заниматься объясненіемъ поразившаго его факта болѣе быстраго паденія яблока по мѣрѣ его приближенія къ землѣ и сдѣлалъ выводъ, что яблоко падаетъ все быстрѣе именно по той причинѣ, что приближается все ближе къ землѣ, то отсюда было еще очень далеко до выведеннаго этимъ же геніальнымъ ученымъ закона всемірнаго тяготѣнія: понадобился цѣлый рядъ наблюденій и опытовъ, цѣлый рядъ эмпирическихъ, первоначальныхъ, элементарныхъ обобщеній, чтобы возвыситься до общаго, великаго, всеобъемлющаго вывода. Въ результатѣ появился *научный законъ*, т. е. установленіе причинной зависимости не между двумя конкретными, отдѣльными явленіями, а между цѣлыми рядами или группами явленій. Истинная, конечная цѣль всякой науки и заключается въ открытіи такихъ высшихъ обобщеній, научныхъ законовъ.

Жизнь, окружающая насъ дѣйствительность чрезвычайно многообразна и сложна. Въ ней можно поэтому различать отдѣльныя группы явленій, которыя удобнѣе всего изучать особо. Такъ сложились отдѣльныя науки, особыя отрасли научнаго знанія. Въ ряду этихъ наукъ XIX столѣтіе завѣщало нашему вѣку построеніе самой сложной и потому

самой трудной науки—*соціологіи*, науки о законахъ развитія общественныхъ явленій.

Мы не знаемъ человѣка внѣ общественной связи: такого человѣка никто, никогда и нигдѣ не наблюдалъ въ дѣйствительности. Но теоретически можно представить себѣ человѣка, взятаго отдѣльно отъ ему подобныхъ и отъ окружающихъ его явленій жизни природы и общества. Науки, которыя изучаютъ человѣка съ такой точки зрѣнія, могутъ быть названы гуманитарными индивидуальными науками. Онѣ дополняются однако науками гуманитарными—соціальными, которыя изучаютъ человѣка не изолированно, не взятаго отдѣльно отъ среды, а именно въ связи съ нею, которыя, иными словами, изучаютъ общественную жизнь или законы развитія общественныхъ явленій.

Что-же такое *общественное явленіе?* Это прежде всего опредѣленное отношеніе между людьми въ ихъ совмѣстной дѣятельности; въ самомъ дѣлѣ: вѣдь, если нѣтъ на лицо группы лицъ, отношенія между которыми опредѣляются ихъ совмѣстной дѣятельностью, то нѣтъ и общества. Но всякая дѣятельность предполагаетъ цѣль. Это заставляетъ насъ къ намѣченному сейчасъ признаку, отличающему общественныя явленія, присоединить еще второй: дѣятельность для обезпеченія существованія и развитія тѣхъ, кто дѣйствуетъ. Полное и точное опредѣленіе понятія „общественное явленіе“ будетъ такимъ образомъ слѣдующее: *общественнымъ явленіемъ называется всякое отношеніе между людьми въ ихъ совмѣстной дѣятельности съ цѣлью обезпеченія себѣ существованія и дальнѣйшаго развитія.*

Общественныя явленія изучаются цѣлымъ рядомъ наукъ: таковы—политическая экономія, разныя отрасли правовѣдѣнія. лингвистика, исторія, наконецъ соціологія. Нетрудно однако замѣтить, что всѣ эти отдѣльныя отрасли обществознанія смотрятъ на общественныя явленія и подвергаютъ ихъ изученію съ трехъ точекъ зрѣнія: онѣ или, во-первыхъ, изучаютъ конкретныя проявленія общественной жизни, или, во-вторыхъ, имѣютъ въ виду открыть общіе законы развитія общественныхъ явленій, или, наконецъ, въ-третьихъ, разбираютъ практическіе вопросы о томъ, какъ лучше устроить человѣческое общежитіе. Первая точка зрѣнія—конкретно-теоретическая или точка зрѣнія *исторіи*, понимая эту послѣднюю въ самомъ широкомъ смыслѣ,—не въ смыслѣ

исторіи лицъ и событій, а въ значеніи исторіи хозяйства, общественнаго строя, государственнаго устройства, нравовъ, религіи, искусства, литературы, права, науки, философіи и т. д. Вторая намѣченная сейчасъ точка зрѣнія—*соціологическая* или абстрактно-теоретическая, третья—точка зрѣнія *научной политики* опять-таки въ широкомъ смыслѣ этого слова, т.-е. политики экономической, соціальной, государственной и т. д.; это—практическая прикладная точка зрѣнія. Попытаюсь разъяснить это на примѣрѣ. Историкъ констатируетъ: германцы за 100 лѣтъ до Рождества Христова занимались почти исключительно добывающей промышленностью, а земледѣлія, обрабатывающей промышленности и торговли почти совершенно не знали. Соціологъ, сопоставляя цѣлый рядъ параллельныхъ историческихъ наблюденій надъ жизнью отдѣльныхъ народовъ, дѣлаетъ выводъ: на первоначальной ступени развитія народы обыкновенно занимаются главнымъ образомъ добывающей промышленностью. Политикъ, принимая во вниманіе условія даннаго времени и мѣста и формулированный мною сейчасъ соціологическій выводъ, заключаетъ: въ первобытной, слабо населенной странѣ выгоднѣе всего заниматься добывающей промышленностью вслѣдствіе обилія даровъ природы, не требующихъ для освоенія большого труда. Приведенный примѣръ имѣетъ для насъ двойную цѣнность: онъ не только наглядно показываетъ различіе между тремя точками зрѣнія на общественныя явленія, но и опредѣляетъ взаимоотношенія отдѣльныхъ отраслей обществовѣдѣнія. Мы теперь ясно видимъ, что *научная, богатая плодотворными выводами соціологія возможна только на исторической основѣ, на основѣ тѣхъ конкретныхъ наблюденій, какія дѣлаютъ историки, и, съ другой стороны, научная, политика, какъ прикладная отрасль обществовѣдѣнія, немыслима безъ построенія соціологіи.* Это положеніе объясняетъ, какъ мнѣ кажется, въ достаточной мѣрѣ неудачи подавляющаго большинства производившихся раньше попытокъ построить и научную соціологію, и научную политику: дѣло въ томъ, что соціологію, за малыми исключеніями, пытались построить безъ помощи или, по крайней мѣрѣ, безъ достаточной помощи исторіи, а политику воздвигали на зыбкой почвѣ отдѣльныхъ, конкретныхъ наблюденій, не сведенныхъ въ высшія соціологическія обобщенія.

Теперь ясенъ методъ дальнѣйшаго изученія: мы будемъ строить соціологическіе выводы на исторической основѣ, будемъ формулировать общіе законы развитія общественныхъ явленій, пользуясь историко-сравнительнымъ методомъ.

Для всякаго, я думаю, понятна вся трудность предпринятой работы: прежде всего придется имѣть въ виду громадный матеріалъ, накопленный изслѣдованіями по исторіи разныхъ странъ, затѣмъ вѣдь въ результатахъ своихъ изслѣдованій спеціалисты часто не сходятся, противорѣчатъ другъ другу,—значитъ, надо критически отнестись къ ихъ трудамъ и выбрать то, что̀ дѣйствительно заслуживаетъ вниманія; наконецъ, бо́льшую часть соціологическихъ обобщеній придется формулировать впервые, во всякомъ случаѣ безъ достаточной обработки ихъ детальнымъ изслѣдованіемъ. Я вполнѣ сознаю всѣ эти трудности, всю неизбѣжность ошибокъ и увлеченій, но при всемъ томъ чувствую настоятельную необходимость произвести попытку. Пусть эта попытка будетъ неудачной,—можетъ быть, она хоть немного облегчитъ болѣе плодотворный трудъ другихъ. Но хотѣлось бы сдѣлать одну оговорку: если и все построеніе, и частности его окажутся невѣрными, не выдерживающими критики,—пусть это будетъ приписано неумѣлости, неспособности и недостатку знаній автора этихъ построеній, но да не будетъ это поставлено насчетъ цѣли и метода изслѣдованія. Соціологія можетъ и должна быть построена и притомъ именно на исторической основѣ: вотъ истина, которой не сокрушитъ никакая критика, и которой не поколеблетъ никакая неудача отдѣльнаго слабаго силами работника.

Чтобы закончить вступительныя замѣчанія, остается еще остановиться на одномъ существенномъ вопросѣ методологическаго свойства. Дѣло въ томъ, что человѣческое общество можно изучать въ двухъ состояніяхъ,—въ состояніи покоя и въ состояніи движенія. Если мы попытаемся охватить всю общественную жизнь въ одинъ опредѣленный, данный моментъ, мы познакомимся съ взаимоотношеніемъ общественныхъ явленій, находящихся въ состояніи равновѣсія или покоя, мы нарисуемъ себѣ схему общества какъ бы въ застывшемъ видѣ, мы разсѣчемъ общественное цѣлое и препарируемъ его такъ, какъ анатомъ препарируетъ трупъ съ цѣлью познакомиться со строеніемъ человѣческаго

организма; и подобно анатому, мы познакомимся при этомъ со строеніемъ общества. Но кромѣ такого изученія общественныхъ явленій въ состояніи покоя или равновѣсія возможно еще изученіе ихъ въ состояніи движенія, развитія; изучая строеніе общества, можно также изучать и его функціи, подобно тому какъ физіологъ изучаетъ функціи человѣческаго организма. Слѣдовательно, соціологія естественно распадается на два большихъ отдѣла: въ одномъ изслѣдуются общественныя явленія въ ихъ покоѣ или равновѣсіи, или, что то-же, изучается строеніе общества; въ другомъ предметомъ изученія служитъ движеніе, развитіе общественныхъ явленій или, выражаясь иначе, функціи общества. Это подмѣчено было однимъ изъ основателей соціологіи, Огюстомъ Контомъ, который увидѣлъ тутъ параллель съ дѣленіемъ механики на два отдѣла:—статику, разсматривающую законы сочетанія силъ въ ихъ равновѣсіи или покоѣ, и динамику, изучающую механическія силы въ ихъ движеніи. Вотъ почему и соціологію Контъ раздѣлилъ на соціальную статику и соціальную динамику. Мы также будемъ слѣдовать этому дѣленію и прежде всего займемся вопросами соціальной статики.

Соціологія—общая, абстрактная наука, почему и соціальная статика, какъ одинъ изъ двухъ основныхъ отдѣловъ соціологіи, изучаетъ не частности, не детали, а то общее, что свойственно всѣмъ общественнымъ союзамъ въ разные періоды ихъ развитія. Возьмемъ ли мы Грецію за 500 лѣтъ до Р. Х., или ту-же Грецію черезъ 400 лѣтъ послѣ этого, или Римъ 300 лѣтъ спустя послѣ начала нашей эры, или Францію XV вѣка, или Англію XVIII, или еще какое-либо иное общество въ любой моментъ его исторической жизни,—изъ всего этого конкретнаго матеріала соціальная статика должна извлечь общіе выводы, одинаково примѣнимые ко всѣмъ обществамъ въ разные періоды ихъ существованія. Мы попытаемся позднѣе на конкретныхъ примѣрахъ рѣшить эту задачу, но уже теперь надо сказать прямо, что соціальная статика занимается классификаціей общественныхъ явленій и опредѣленіемъ того, въ какой мѣрѣ та или другая группа этихъ явленій зависитъ отъ другихъ группъ. Совершенно иной надо признать задачу соціальной динамики. Она прежде всего иначе пользуется конкретнымъ историческимъ матеріаломъ: она беретъ каждое общество

не въ отдѣльный, произвольно-выбранный моментъ его развитія и сравниваетъ его не съ произвольно-же выбраннымъ моментомъ исторіи другого общества,—она беретъ весь процессъ историческаго развитія каждаго общества и сравниваетъ его съ процессами развитія другихъ обществъ, чтобы путемъ этого сравненія и на основѣ выводовъ соціальной статики построить законы общественнаго движенія, смѣны общественныхъ порядковъ и учрежденій. Тогда какъ задача статики, попреимуществу формальная, состоитъ въ изученіи формъ, строенія общества,—задача динамики—реальная, сводится къ изученію содержанія процесса развитія общества.

Я намѣчаю все это пока въ самыхъ общихъ чертахъ и очень хорошо понимаю, что въ силу отвлеченности изложенія многое, быть можетъ, кажется не вполнѣ яснымъ. Дальнѣйшее изложеніе будетъ гораздо конкретнѣе, будетъ опираться на анализъ весьма осязательнаго матеріала, и потому можно надѣяться, что многое, не вполнѣ ясное теперь, совершенно выяснится впослѣдствіи. Общія, абстрактныя опредѣленія были совершенно необходимы какъ вступленіе. Ихъ необходимо усвоить какъ исходные пункты и предварительный набросокъ или планъ послѣдующаго изложенія, и потому сейчасъ я еще разъ повторю эти общія опредѣленія въ сжатомъ видѣ.

Мы видѣли, что наука есть систематизированное и жизненное знаніе; что научная система покоится на принципѣ причинности, т.-е. постоянной послѣдовательности; что—далѣе—научнымъ закономъ называется установленіе причинной зависимости обширныхъ группъ изучаемыхъ явленій. Послѣ всего этого мы опредѣлили соціологію какъ науку о законахъ развитія общественныхъ явленій, а общественнымъ явленіемъ мы назвали отношеніе людей въ ихъ совмѣстной дѣятельности съ цѣлью обезпечить себѣ существованіе и дальнѣйшее развитіе. Мы видѣли затѣмъ, что соціологія должна быть построена на основѣ исторіи и должна дать матеріалъ для научной политики. Наконецъ, мы раздѣлили соціологію на два большихъ отдѣла,—соціальную статику, науку о законахъ общественной жизни въ состояніи покоя или равновѣсія общественныхъ силъ, и соціальную динамику, науку о законахъ общественной жизни въ ея движеніи или развитіи.

Таковы предварительныя данныя, которыя было необходимо установить, прежде чѣмъ перейти къ соціологическому изученію въ собственномъ смыслѣ этого слова. Обращаясь теперь къ такому изученію, мы должны заняться первымъ вопросомъ, относящимся къ области соціальной статики,— вопросомъ о *классификаціи общественныхъ явленій.*

Бросимъ бѣглый взглядъ на жизнь современнаго общества, посмотримъ, изъ какихъ элементовъ она слагается, каковы группы отношеній между людьми въ ихъ совмѣстной дѣятельности для обезпеченія себѣ существованія и развитія? Для всякаго ясно, что существованіе и развитіе немыслимо прежде всего безъ средствъ, поддерживающихъ физическую жизнь,—безъ пищи, одежды и жилища. Совокупность тѣхъ способовъ и пріемовъ, при помощи которыхъ общество добываетъ себѣ пищу, одежду и жилище, носитъ названіе *хозяйства.* Поэтому всѣ общественныя явленія, отражающія эти способы и пріемы, называются *хозяйственными* или *экономическими.* Вотъ первый классъ общественныхъ явленій. Пашетъ ли крестьянинъ свое поле, везетъ ли онъ на продажу продукты сельской промышленности, покупаетъ ли ситецъ, чай, сахаръ, идетъ ли въ городъ на заработки, заводитъ ли капиталистъ фабрику, составляется ли акціонерное предпріятіе, продаетъ ли магазинъ товары, организуетъ ли богатый землевладѣлецъ крупное сельскохозяйственное предпріятіе и т. д. и т. д.—все это относится къ области хозяйственныхъ отношеній, устанавливаемыхъ совмѣстной дѣятельностью людей съ цѣлью обезпечить себѣ существованіе и развитіе.

Наблюдая далѣе шумную и сложную жизнь современнаго общества, мы видимъ, что отдѣльныя лица, его составляющія, отличаются другъ отъ друга своими занятіями, правами и обязанностями: крестьянинъ-земледѣлецъ, фабричный рабочій, фабрикантъ, купецъ, крупный землевладѣлецъ, адвокатъ, врачъ, учитель—все это лица разныхъ профессій; съ другой стороны, юридическое положеніе крестьянина существенно отличается отъ юридическаго положенія лицъ, принадлежащихъ къ другимъ общественнымъ группамъ: напр., только крестьяне могутъ участвовать въ сельскомъ сходѣ и имѣть надѣлъ въ мірской землѣ; крестьяне, имѣющіе надѣлъ въ мірской землѣ, не могутъ отчуждать, т.-е. продавать и закладывать, этотъ надѣлъ и т. д. Всѣ тѣ

отношенія, которыя возникаютъ въ обществѣ, вслѣдствіе дѣленія послѣдняго на группы, носятъ названіе *соціальныхъ отношеній* и составляютъ второй классъ общественныхъ явленій.

Далѣе: нѣтъ общественнаго союза безъ власти. Дѣятельность этой власти въ наше время выражается въ функціонированіи цѣлаго ряда учрежденій—законодательныхъ, административныхъ, судебныхъ. Сюда относятся, напр., дѣятельность министерствъ, департаментовъ, канцелярій, губернаторовъ, земскихъ учрежденій, городскихъ думъ и управъ, окружныхъ судовъ, судебныхъ палатъ и т. д. и т. д. Всѣ отношенія, отсюда возникающія, называются, *государственными или политическими явленіями* и составляютъ третій классъ общественныхъ явленій.

Описанными тремя классами общественныхъ явленій не исчерпывается еще вся полнота, сложность и многообразіе жизни общества. Есть еще четвертый классъ—*психологическія явленія* или, что то же, явленія духовной культуры. Въ самомъ дѣлѣ: каждое общество имѣетъ свои привычки, нравы и обычаи, свои вкусы и понятія, свои вѣрованія, идеи и чувства, въ каждомъ обществѣ существуютъ опредѣленные типы, характеры, личности извѣстнаго душевнаго склада, своя религія, искусство, литература, наука и философія. Все это относится къ обширной области психологическихъ явленій общественной жизни.

Итакъ мы нашли, что общественныя явленія можно раздѣлить на четыре основныхъ класса: первый охватываетъ явленія хозяйства или экономическія, ко второму принадлежитъ все то, что относится къ устройству общества,—явленія соціальныя, третій—это явленія политическія, устройство государства, наконецъ, четвертый классъ заключаетъ въ себѣ психологическія явленія или явленія духовной культуры.

И этого однако еще недостаточно: давно, еще въ XVII вѣкѣ, замѣчена была связь, существующая между человѣческимъ общежитіемъ и внѣшней природой; отсюда возникла потребность присоединить къ четыремъ сейчасъ перечисленнымъ классамъ общественныхъ явленій еще пятый, являющійся связующимъ звеномъ между жизнью природы и жизнью человѣческаго общества: это—явленія природы или *естественныя явленія*.

Мы освѣтили такимъ образомъ первый вопросъ соціаль-

ной статики,—вопросъ о классификаціи общественныхъ явленій. Намъ предстоитъ теперь гораздо болѣе трудная и сложная задача,—опредѣлить относительную зависимость установленныхъ классовъ явленій, различая въ то же время въ каждомъ классѣ болѣе мелкія дѣленія или группы и устанавливая взаимную зависимость этихъ послѣднихъ.

Начнемъ эту работу съ явленій жизни природы или явленій естественныхъ. Этотъ классъ явленій весьма обширенъ и можетъ быть раздѣленъ на нѣсколько группъ. При изученіи природы какой-либо страны обыкновенно различаютъ ея пространство, рельефъ, т.-е. устройство поверхности, климатъ, орошеніе, почву, минералогическія, ботаническія и зоологическія богатства, наконецъ количество и распредѣленіе населенія. Спрашивается: въ какомъ отношеніи находятся всѣ эти естественныя явленія къ другимъ классамъ общественныхъ явленій, т.-е. поскольку они оказываютъ свое вліяніе на послѣдніе и въ свою очередь подвергаются воздѣйствію со стороны послѣднихъ?

Этотъ вопросъ долго и много занималъ и соціологовъ и историковъ. Въ результатѣ ихъ работъ получилось, какъ мнѣ кажется, правильное и окончательное его рѣшеніе,—разумѣется, если къ этому результату сдѣлать нѣкоторыя поправки и дополненія въ отдѣльныхъ подробностяхъ. Мы должны теперь неизбѣжно войти въ нѣкоторыя детали и освѣтить ихъ конкретнымъ матеріаломъ.

Возьмемъ прежде всего вліяніе рельефа на общественный строй. Всѣ мы еще на школьной скамьѣ читали въ учебникѣ древней исторіи, что многочисленныя горныя цѣпи, по всѣмъ направленіямъ пересѣкающія южную часть Балканскаго полуострова, были естественной основой дѣленія древней Эллады на множество самостоятельныхъ политическихъ организмовъ. Нетрудно однако понять, что это естественное условіе не было главнымъ элементомъ политической обособленности отдѣльныхъ частей эллинскаго народа. Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь долгое время даже въ предѣлахъ одной горной области отдѣльныя общины не были политически связаны между собою,—понадобился для установленія этой связи, такъ называемаго „синойкизма“, трудъ не одного поколѣнія. Съ другой стороны, горныя цѣпи не мѣшали ни гегемоніи Спарты и Аѳинъ, ни господству Филиппа и Александра Македонскихъ съ ихъ

преемниками, ни владычеству римлянъ. Аппенины, Пиренеи, Альпы не помѣшали Риму создать централизованную обширную имперію. Многіе изслѣдователи указывали на естественныя условія восточно-европейской равнины, на отсутствіе здѣсь горныхъ цѣпей, какъ на основную причину созданія Русскаго государства. Однако ясно, что главной причиной было вовсе не это: вѣдь извѣстно, какъ долго на ряду съ Россіей существовали тутъ самостоятельныя государства—Польша, Литва, Крымское ханство, Финляндія, Ливонскій орденъ. Понадобились многовѣковая борьба и цѣлый рядъ другихъ обстоятельствъ, чтобы соединить всѣ эти государства въ одно политическое цѣлое. И характерно, что послѣ того ростъ политической территоріи Россіи не остановился, что его не въ силахъ были задержать такія естественныя препятствія, какъ Уральскія и Кавказскія горы: лучшее доказательство, что не рельефъ страны является главной причиной, опредѣляющей предѣлы государствъ.

Анализъ приведенныхъ сейчасъ примѣровъ совершенно разъясняетъ вопросъ о вліяніи рельефа страны на ея общественную жизнь: мы видимъ, что тѣ или другія особенности рельефа *не производятъ* сами по себѣ опредѣленной политической группировки территоріи, а только *содѣйствуютъ* такой группировкѣ. Рельефъ, слѣдовательно, не активная причина, а пассивная: онъ лишь содѣйствующее или противодѣйствующее условіе, легко отодвигаемое на второй планъ и даже сводимое къ нулю дѣйствительными причинами общественныхъ перемѣнъ.

Возьмемъ другой элементъ внѣшней природы—климатъ. Во многихъ историческихъ изслѣдованіяхъ и соціологическихъ трактатахъ можно найти такое рѣшеніе вопроса о вліяніи климата на общественную жизнь: слишкомъ холодный климатъ препятствуетъ развитію общества, потому что отнимаетъ у людей все время на заботу о добываніи себѣ элементарныхъ средствъ существованія; слишкомъ жаркій изнѣживаетъ человѣка, дѣлаетъ его лѣнивымъ и безпечнымъ, вслѣдствіе легкости добыванія всего необходимаго; поэтому общественная жизнь можетъ развиваться лишь въ умѣренномъ климатѣ. Въ этомъ выводѣ есть зерно истины, но очень небольшое: онъ примѣнимъ—самое бо́льшее—къ странамъ чисто-полярнымъ и къ странамъ тропическимъ, т. е.

къ очень узкимъ полосамъ земной поверхности, да и то— по отношенію къ тропическимъ странамъ—съ большими оговорками. Геродотъ думалъ, что немного сѣвернѣе Чернаго моря царитъ такой холодъ, что люди жить не могутъ, а живутъ какія-то чудовища, а мы теперь знаемъ, что на берегахъ Бѣлаго моря существуютъ порядки, учрежденія и люди, совершенно подобные южнымъ. Говорятъ еще, что духовный складъ сѣвернаго человѣка существенно отличается отъ психики южанина: послѣдній импульсивнѣе, впечатлительнѣе, горячѣе перваго и потому болѣе склоненъ къ искусству, тогда какъ холодный и разсудительный сѣверянинъ скорѣе расположенъ разрабатывать науку. Опять надо замѣтить: при всей несомнѣнности нѣкотораго вліянія климатическихъ условій на характеръ человѣка, надо признать это вліяніе не только не единственнымъ, но и не главнымъ: ученыхъ не меньше на югѣ, чѣмъ на сѣверѣ: итальянецъ Леонардо да Винчи былъ не только геніальнымъ художникомъ, но и великимъ естествоиспытателемъ, физикомъ и механикомъ; итальянскій астрономъ Галилей продолжаетъ труды уроженца холодной Польши—Коперника; съ другой стороны, достаточно назвать Глинку, Толстого, Рѣпина, Ибсена, чтобы признать, что и искусство не составляетъ монополіи южанъ. Общій нашъ выводъ относительно вліянія климата на общественную жизнь будетъ такимъ образомъ подобенъ выводу о роли рельефа страны въ томъ же отношеніи: климатъ—пассивное условіе, содѣйствующее тѣмъ или другимъ общественнымъ перемѣнамъ, а не активная причина послѣднихъ.

Посмотримъ теперь, что̀ можетъ дать намъ изученіе общественнаго вліянія орошенія, разумѣя тутъ и количество и видъ атмосферическихъ осадковъ и надпочвенныя воды—рѣки и озера. Позднѣе мы увидимъ, что продолжительность снѣгового покрова и обиліе судоходныхъ рѣкъ оказали очень сильное вліяніе на исторію хозяйства въ Россіи XVI и XVII вѣковъ: не вдаваясь пока въ подробности, скажу только, что эти обстоятельства облегчили въ то отдаленное отъ насъ время торговыя сношенія между различными, нерѣдко далекими другъ отъ друга областями нашего отечества. Надо однако опять замѣтить: снѣговой покровъ и судоходныя рѣки только *облегчили*, но не *создали* торговлю, были опять-таки не активными причинами, а

пассивными условіями. Но приведенный примѣръ обогащаетъ насъ еще однимъ важнымъ общимъ выводомъ: оказывается, что въ старину естественныя условія дѣйствовали сильнѣе, чѣмъ теперь; вѣдь санный путь и даже судоходныя рѣки теперь имѣютъ несравненно меньшее значеніе для экономической жизни страны, чѣмъ желѣзныя дороги. Итакъ: природа страны не только является пассивнымъ условіемъ, а не активной причиной, но и вліяніе этого условія постепенно, по мѣрѣ развитія общества, уменьшается.

Наконецъ, если мы обратимъ вниманіе на отношеніе пространства страны къ ея населенію или, что то-же, на степень плотности населенія, то должны будемъ признать, что это явленіе играетъ видную роль въ процессѣ экономическаго развитія. Но можно ли признать плотность населенія естественнымъ явленіемъ, явленіемъ природы? Конечно нѣтъ: вѣдь хотя и безспорно то, что фактъ рожденія имѣетъ своей основой физіологическій инстинктъ, но дѣйствительный приростъ населенія опредѣляется не столько обильной рождаемостью, сколько отношеніемъ между рождаемостью и смертностью: экономическія условія вносятъ къ чрезмѣрной рождаемости безжалостный коррективъ въ видѣ повышенной смертности. Такимъ образомъ и здѣсь естественныя условія создаютъ возможность извѣстныхъ общественныхъ перемѣнъ, но не необходимость ихъ, содѣйствуютъ имъ, но не порождаютъ ихъ.

Однимъ словомъ, какую бы сферу явленій природы мы ни взяли, разсматривая ея вліяніе на общественную жизнь, мы пришли бы всегда къ двумъ общимъ заключеніямъ: 1) *явленія природы—только пассивныя условія, а не активныя причины общественныхъ явленій, только содѣйствуютъ извѣстнымъ порядкамъ общежитія, а не создаютъ ихъ*; *2) вліяніе естественныхъ условій на общество послѣдовательно уменьшается по мѣрѣ развитія общественной жизни.*

Таковъ самый общій отвѣтъ на вопросъ о вліяніи природы на общество. Но вѣдь можетъ быть еще другой вопросъ о вліяніи общества на природу. Послѣ всего сказаннаго нами, намъ уже нетрудно и недолго дать отвѣтъ и на этотъ вопросъ: мы видѣли, что человѣкъ преодолѣваетъ естественныя преграды, переходитъ горы, прорываетъ туннели, уничтожаетъ пространство при помощи пара и электри-

чества; онъ приручаетъ животныхъ, акклиматизируетъ растенія, вводитъ искусственное орошеніе, удобряетъ почву, вырубаетъ и насаждаетъ лѣса, укрѣпляетъ пески, сушитъ болота, словомъ—порабощаетъ себѣ природу, заставляетъ ее служить своимъ цѣлямъ. Активно воздѣйствуя на природу, человѣкъ уничтожаетъ ея пассивное вліяніе и побѣдно шествуетъ впередъ въ своемъ развитіи, часто вопреки естественнымъ препятствіямъ.

II.

Мы установили сейчасъ первый законъ соціальной статики, выражающій вліяніе естественныхъ условій на общественную жизнь. Намъ предстоитъ теперь изслѣдовать законы отношенія экономическихъ явленій къ другимъ классамъ явленій общежитія.

Прежде всего однако необходимо классифицировать самыя хозяйственныя явленія и опредѣлить взаимную зависимость ихъ отдѣльныхъ группъ. Въ этомъ отношеніи большую помощь окажетъ намъ въ особенности политическая экономія.

Эта наука различаетъ прежде всего нѣсколько отраслей хозяйственной или экономической дѣятельности человѣка. Для удовлетворенія своихъ насущныхъ потребностей человѣкъ или просто осваиваетъ даровыя силы природы—это промышленность добывающая,—или искусственно добываетъ новые продукты, не доставляемые непосредственно природою—это сельское хозяйство,—или перерабатываетъ продукты добывающей промышленности и сельскаго хозяйства въ новый видъ, удобный для удовлетворенія человѣческихъ потребностей,—это обрабатывающая промышленность,—или, наконецъ, перемѣщаетъ продукты отъ производителей къ потребителямъ, что называется торговлей или обмѣномъ. Взаимное отношеніе или относительное значеніе этихъ четырехъ отраслей хозяйственной дѣятельности составляетъ первую черту, характеризующую экономическій бытъ каждаго общества. Напр., древне-германскій экономическій бытъ характеризовался подавляющимъ перевѣсомъ добывающей промышленности—германцы жили главнымъ образомъ охо-

БИБЛІОТЕКА

той, рыболовствомъ, пчеловодствомъ,—слабостью сельскаго хозяйства, изъ отдѣльныхъ вѣтвей котораго достигло большого значенія только скотоводство, совершенной примитивностью обрабатывающей промышленности, сводившейся къ выдѣлкѣ одежды, обстановки и орудій въ предѣлахъ каждой семьи для собственныхъ потребностей, и почти полнымъ отсутствіемъ торговыхъ сношеній. Современная Англія отличается инымъ хозяйственнымъ складомъ: здѣсь преобладаютъ торговля и обрабатывающая промышленность, сельское хозяйство—особенно земледѣліе—почти не имѣетъ значенія, а въ промышленности добывающей видную роль играютъ лишь тѣ вѣтви, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ фабричной производительности,—добываніе разныхъ рудъ и каменнаго угля.

Надо сказать прямо: относительное значеніе разныхъ отраслей промышленности—основной и вмѣстѣ простѣйшій элементъ экономической жизни. Историческія изслѣдованія показываютъ, что оно опредѣляется однимъ факторомъ, зависитъ отъ одной активной причины,—отъ степени плотности населенія; если на ряду съ этимъ что-либо еще играетъ тутъ роль, то это, несомнѣнно, только обиліе естественныхъ даровъ природы, напр. особо-плодородная почва. Иллюстрируемъ это положеніе конкретными примѣрами. Почему, въ самомъ дѣлѣ, древніе германцы занимались главнымъ образомъ добывающей промышленностью и скотоводствомъ? Потому, очевидно, что было много незаселенныхъ пространствъ,—лѣсовъ, изобиловавшихъ дикими звѣрями и пчелами, пастбищъ, открывавшихъ возможность для скота пользоваться подножнымъ кормомъ. Принявъ во вниманіе необычайную рѣдкость населенія на территоріи, занятой древними германцами,—территоріи, расположенной между Рейномъ и Эльбой, мы тѣмъ самымъ объясняемъ себѣ и основную черту древне-германскаго экономическаго быта, относительное значеніе различныхъ отраслей хозяйства. Чѣмъ объясняется преобладаніе торговли и обрабатывающей промышленности въ современной Англіи? Раздѣленіемъ труда, которое вызвано было необходимостью повысить производительность *въ силу роста населенія*, вслѣдствіе увеличенія его плотности. Современная Франція такъ же, какъ и Англія, хотя въ меньшей степени, густо-населенная страна, и потому торговля и обрабатывающая про-

мышленность здѣсь также играютъ первостепенную роль. Необходимо однако оговориться: во Франціи больше, чѣмъ въ Англіи, имѣетъ значеніе земледѣліе. Тогда какъ Англія можетъ пропитаться своимъ, непривознымъ хлѣбомъ только въ теченіе одного мѣсяца въ году, т-е. $^{11}/_{12}$ всего потребляемаго въ Англіи хлѣба ввозится изъ-за границы, Франціи хватаетъ своего хлѣба на 11 мѣсяцевъ въ году, такъ что она ввозитъ только $^{1}/_{12}$ своего годового потребленія. Въ чемъ причина того, что Франція не исключительно-промышленная, индустріальная страна, а промышленно-земледѣльческая? Въ прекрасной почвѣ Франціи, чрезвычайно пригодной для полевого хозяйства.

Мы можемъ, слѣдовательно, формулировать такой общій выводъ: *относительное значеніе разныхъ отраслей хозяйства опредѣляется степенью плотности населенія и естественными условіями страны.*

Политическая экономія учитъ насъ далѣе, что хозяйственная дѣятельность человѣка слагается подъ воздѣйствіемъ трехъ основныхъ факторовъ—земли, труда и капитала. Отсюда возникаютъ отношенія человѣка къ землѣ—*формы землевладѣнія*,—отношенія между трудомъ и капиталомъ—*формы хозяйства*, и опредѣленіе степени затраты труда и капитала—*техника или система хозяйства.* Мы должны теперь анализировать отношенія этихъ группъ экономическихъ явленій между собою и къ тому основному хозяйственному явленію, изученіемъ котораго мы только что занимались.

Передъ нами Римъ въ I вѣкѣ до Р. Х., въ эпоху, когда на смѣну погибавшей республикѣ стала выступать имперія. Въ Италіи мы наблюдаемъ въ это время такія перемѣны въ формахъ землевладѣнія: крестьянство обезземеливается, продаетъ свои земли римскимъ аристократамъ и крупнымъ капиталистамъ; образуются обширныя земельныя владѣнія, „латифундіи“, происходитъ довольно быстрая мобилизація земельной собственности, переходъ ея изъ рукъ въ руки путемъ продажи и залога. Всѣ эти явленія нашли себѣ въ исторической литературѣ весьма обстоятельное истолкованіе. Оказывается, что въ то время крестьяне-земледѣльцы въ Италіи лишились возможности конкурировать въ продажѣ хлѣба съ купцами, вывозившими зерно изъ плодородныхъ Сициліи и Африки, и стали разоряться. Развитіе

торговыхъ сношеній такимъ образомъ обездоливало и обезземеливало крестьянъ. Съ другой стороны, вслѣдствіе того же роста торговли появился спросъ на вино, фрукты и оливковое масло. Капиталисты, скупая земли у крестьянъ и составляя крупныя имѣнія, замѣняли на своей землѣ полевое хозяйство виноградорствомъ, разведеніемъ фруктовыхъ садовъ и оливковыхъ рощъ. Такъ въ Италіи I вѣка до Р. Х. перемѣны въ относительномъ значеніи разныхъ отраслей промышленности привели къ новымъ формамъ землевладѣнія.

Но это было не въ одной Италіи и не только за 100 лѣтъ до Р. Х. Возьмемъ Францію съ VI по X вѣкъ. Тамъ въ то время распространилась особая форма землевладѣнія,— такъ называемый *бенефиціи*, сущность котораго заключалась въ томъ, что земля, принадлежавшая какому-либо крупному собственнику—королю, графу, епископу, монастырю,— передавалась этимъ собственникомъ другому лицу во временное, обыкновенно пожизненное, владѣніе безъ права ее продавать, закладывать, дарить и завѣщать и съ обязательствомъ служить за нее въ войскѣ или въ хозяйственной администраціи. Чѣмъ была вызвана къ жизни такая временная и условная форма земельнаго владѣнія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ также данъ въ исторической литературѣ. Дѣло въ томъ, что крупное землевладѣніе во Франціи съ VI по X вѣкъ не создавало еще возможности крупнаго земледѣльческаго хозяйства, потому что не было спроса на хлѣбъ на рынкѣ: господствовало такъ называемое натуральное хозяйство, когда всякая отдѣльная хозяйственная единица— семья—удовлетворяетъ всѣмъ своимъ потребностямъ собственнымъ трудомъ, не прибѣгая къ продажѣ и покупкѣ. Вотъ почему не было почти денегъ, и нельзя было награждать ими за службу, а земля была единственной распространенной цѣнностью: она и замѣняла собою денежное жалованье, но, конечно, въ интересахъ ея собственниковъ давалась лишь на время, подъ условіемъ службы.

Можно было бы увеличить число примѣровъ, и всегда мы увидѣли-бы, что дѣйствуетъ одинъ законъ: *формы землевладѣнія опредѣляются относительнымъ значеніемъ разныхъ отраслей хозяйства, существующимъ въ странѣ.*

Нетрудно убѣдиться, что тотъ-же законъ примѣнимъ и къ формамъ хозяйства, т.-е. къ отношеніямъ между трудомъ и капиталомъ, что, слѣдовательно, и *формы хозяйства опре-*

дѣляются относительнымъ значеніемъ разныхъ отраслей хозяйства. Въ самомъ дѣлѣ: возьмемъ, напр., Францію съ XII по XV вѣкъ. Въ земледѣліи въ это время въ ней господствовалъ трудъ крестьянъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ, т.-е. такихъ, которые не только сами не могли уйти съ занимаемаго участка, но и по волѣ ихъ господъ не могли быть отлучены отъ него — проданы, заложены, подарены, завѣщаны, промѣнены безъ земли. Въ обрабатывающей промышленности господствовали цехи, въ торговлѣ—гильдіи; цехи и гильдіи—это корпораціи или союзы, строго регламентировавшіе всѣ подробности хозяйственной дѣятельности: они опредѣляли число своихъ членовъ, ихъ взаимныя отношенія, размѣры производства, цѣны продаваемыхъ товаровъ, мѣста торговли и т. д. Причина этого заключается опять въ относительномъ значеніи разныхъ отраслей хозяйственной дѣятельности: на смѣну натуральному хозяйству начало выступать хозяйство денежное или мѣновое съ раздѣленіемъ труда, съ продажей и покупкой товаровъ, но такъ какъ пути сообщенія были еще очень плохи и перевозка товаровъ на большія пространства представляла непреоборимыя затрудненія, то производство не могло быть организовано въ разсчетѣ на обширный сбытъ. Вся страна разбилась поэтому на небольшія, замкнутыя въ экономическомъ отношеніи, почти не сносившіяся другъ съ другомъ области, состоявшія обыкновенно изъ города и окрестныхъ селеній на 10, 15, 20 верстъ въ окружности. Въ предѣлахъ этой небольшой области существовали раздѣленіе труда и обмѣнъ продуктовъ. Во избѣжанія катастрофы, которая всегда легка для небольшого и слабаго хозяйственнаго цѣлаго, необходимо было предусмотрѣть всѣ подробности хозяйственныхъ отношеній, устранить всякія случайности и колебанія, которыя легко могли бы потрясти до основанія все благосостояніе области. Вѣдь стоило только небольшому числу рабочихъ отлить отъ извѣстной отрасли промышленности, и равновѣсіе, съ такимъ трудомъ поддерживаемое, нарушалось. Во избѣжаніе этого и установлено было прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, цеховое и гильдейское устройство, исключавшія возможность всякаго проявленія личнаго усмотрѣнія, столь гибельнаго по хозяйственнымъ условіямъ того времени.

Или другой примѣръ—Россія XIII и XIV вѣковъ. Тогда въ нашемъ отечествѣ господствовало натуральное хозяйство,

т.-е. торговли почти не было, и виднѣйшей отраслью промышленности было земледѣліе. Продавать хлѣбъ было некуда—покупателей не находилось,—и потому землевладѣльцы не заводили своей, барской, запашки, а сдавали всю землю въ аренду свободнымъ крестьянамъ, причемъ арендная плата уплачивалась вслѣдствіе отсутствія денегъ натурой,—долей урожая или опредѣленнымъ количествомъ четвертей разнаго хлѣба. Опять ясно, что формы хозяйства зависятъ отъ взаимнаго отношенія отдѣльныхъ его отраслей.

Несравненно сложнѣе четвертая группа экономическихъ явленій — *техника или система хозяйства*. Въ Россіи XVIII вѣка система полевого хозяйства характеризовалась господствомъ такъ называемаго трехпольнаго сѣвооборота, сущность котораго сводится къ распредѣленію всей пахотной земли на три поля, причемъ одно засѣвается озимымъ хлѣбомъ, другое—яровымъ, а третье—остается подъ паромъ и удобряется. Чѣмъ обусловлено было тогда господство трехпольной системы въ земледѣліи? Прежде всего тѣмъ, что торговля хлѣбомъ, хотя и развивалась, но не пріобрѣла еще обширнаго рынка и потому не требовала производства хлѣба въ очень крупныхъ размѣрахъ, не вынуждала сельскихъ хозяевъ—дворянъ и крестьянъ—перейти къ болѣе совершенной земледѣльческой системѣ. Но и болѣе примитивная, переложная система, при которой лишь незначительная часть земли подвергается распашкѣ, а главная масса остается подъ залежью или перелогомъ и естественнымъ путемъ отдыха возстановляетъ свои производительныя силы, была экономической невозможностью не только потому, что, давая скудный урожай, не удовлетворяла наличному рыночному спросу на хлѣбъ, но и по той причинѣ, что землевладѣльцы были уже связаны съ землей прочными юридическими узами, что сложился институтъ полной собственности на землю, исключавшій возможность покидать эксплуатируемое имѣніе и занимать новое, чтобы съ послѣднимъ произвести ту-же операцію, и т. д. Есть еще и третій элементъ, оказавшій также вліяніе на систему русскаго земледѣлія въ XVIII вѣкѣ: это—господство крѣпостной крестьянской барщины въ то время; извѣстно, что $^1/_2$, $^2/_3$, $^3/_4$, даже иногда $^9/_{10}$ всѣхъ крѣпостныхъ крестьянъ отбывали тогда барщину; крѣпостной трудъ на барина—трудъ малопроизводительный, экстенсивный: работая неохотно, поневолѣ,

безъ всякой выгоды для себя, барщинный крестьянинъ ведетъ свое дѣло кое-какъ, чрезвычайно небрежно. Въ результатѣ получается непримѣнимость на практикѣ системы земледѣлія, болѣе усовершенствованной, чѣмъ трехпольная.

Анализъ приведеннаго примѣра показываетъ такимъ образомъ, что *техника или система хозяйства слагается подъ воздѣйствіемъ трехъ элементовъ экономической жизни,— относительнаго значенія разныхъ отраслей хозяйства, формъ землевладѣнія и формъ хозяйства.* Вотъ еще одинъ общій законъ статики экономическихъ явленій.

Легко провѣрить этотъ законъ при помощи другого конкретнаго матеріала,—взявъ другую страну и другое время. Напр., у древнихъ германцевъ въ I, II, III вѣкахъ послѣ Р. Х. техника обрабатывающей, какъ и всякой другой, промышленности стояла на первоначальной степени развитія: это было чисто-ручное производство, безъ всякаго почти примѣненія сколько-нибудь сложныхъ орудій. Почему? Потому, во-первыхъ, что господствовало натуральное хозяйство, спроса на повышенную производительность не существовало; затѣмъ, во-вторыхъ, вся масса населенія свободно пользовалась землей, такъ что обрабатывающая промышленность не была не только исключительнымъ, но и главнымъ источникомъ средствъ существованія, и, наконецъ, въ-третьихъ, господствующей формой хозяйства тогда былъ домашній трудъ, трудъ членовъ семейнаго союза, работавшихъ исключительно на себя. Выводъ получается тотъ-же: система или техника зависитъ отъ взаимнаго отношенія разныхъ отраслей хозяйственной жизни, отъ землевладѣльческихъ порядковъ и отъ формъ хозяйства.

Чтобы закончить соціально-статическій анализъ экономическихъ явленій, остается опредѣлить отношеніе *распредѣленія хозяйственныхъ благъ* къ другимъ группамъ явленій народно-хозяйственной жизни. Изучая распредѣленіе хозяйственныхъ благъ, слѣдуетъ различать отдѣльныя вѣтви народнаго дохода и опредѣлить ихъ относительное значеніе. Политическая экономія различаетъ три главныхъ вѣтви народнаго дохода: поземельную ренту, т.-е. доходъ съ земли, поступающій въ пользу землевладѣльца, процентъ на капиталъ, т.-е. прибыль капиталиста,—включая сюда и вознагражденіе за предпринимательскій трудъ,—и заработную плату, т.-е. долю рабочаго. Сюда можно еще присо-

единить государственный доходъ, какъ результатъ податного обложенія всѣхъ трехъ названныхъ сейчасъ вѣтвей дохода народнаго. Принявъ во вниманіе это дѣленіе, мы можемъ характеризовать распредѣленіе хозяйственныхъ благъ въ Россіи второй половины XVI в. въ слѣдующихъ приблизительно выраженіяхъ: процентъ на капиталъ отличался тогда весьма значительной высотой: ростъ при займѣ достигалъ 20%; поземельная рента къ концу столѣтія въ центральной Россіи нѣсколько понизилась; заработная плата была низка; наконецъ, доля, поступавшая въ пользу государства, номинально сильно возрасла,—налоги, при переводѣ ихъ на деньги того времени, увеличились къ концу столѣтія въ $3^1/_2$ раза,—но реальное значеніе суммы, получавшейся государствомъ въ концѣ XVI в., осталось приблизительно такимъ же, какимъ оно было въ половинѣ столѣтія, т.-е. на эту сумму можно было въ концѣ XVI в. купить столько же необходимыхъ, полезныхъ и пріятныхъ предметовъ, сколько на сумму въ $3^1/_2$ раза меньшую 50 лѣтъ тому назадъ; иными словами, хотя государство стало получать въ $3^1/_2$ раза большее количество рублей съ населенія, но рубль соотвѣтственно подешевѣлъ. Какъ объяснить происхожденіе отдѣльныхъ частностей набросанной сейчасъ немногими штрихами сложной и пестрой картины? Историческое изслѣдованіе показываетъ, что многое тутъ прежде всего объясняется относительнымъ значеніемъ разныхъ отраслей хозяйства. Почему, напр., капиталъ былъ еще дорогъ, приносилъ высокій процентъ? Потому, что его было мало, а мало его было вслѣдствіе слабости торговли и промышленности, вслѣдствіе того, что обрабатывающая промышленность едва выходила изъ пеленокъ, а денежное хозяйство дѣлало только первые, робкіе шаги по пути развитія. Въ то же время однако оно, несомнѣнно, шло впередъ, и вотъ почему подешевѣла денежная единица—рубль. Итакъ, распредѣленіе хозяйственныхъ благъ слагается подъ вліяніемъ относительнаго значенія различныхъ отраслей хозяйства. Приведенный сейчасъ конкретный примѣръ показываетъ однако, что не все здѣсь можетъ быть сведено къ вліянію этого элемента: вѣдь у насъ остались еще необъясненными пониженіе земельной ренты къ концу столѣтія и низкій уровень заработной платы. Анализъ этихъ явленій открываетъ передъ нами воздѣйствіе другихъ хозяй-

ственныхъ элементовъ: оказывается, что земельная рента понизилась вслѣдствіе упадка техники земледѣлія въ центрѣ государства,—многія земледѣльческія хозяйства пошли тогда въ техническомъ отношеніи вспять, отъ трехпольной системы вернулись къ переложной; съ другой стороны, низкій уровень заработной платы объясняется формами хозяйства того времени: утверждался и распространялся постепенно несвободный трудъ, трудъ холоповъ и крѣпостныхъ крестьянъ, а при такихъ условіяхъ не бываетъ великъ спросъ на вольнонаемный трудъ, слѣдовательно, не можетъ быть высока и заработная плата. Мы убѣдились такимъ образомъ, что *распредѣленіе хозяйственныхъ благъ*— одна изъ самыхъ сложныхъ группъ экономическихъ явленій, что оно *опредѣляется вліяніемъ трехъ элементовъ хозяйственной жизни*: *относительнаго значенія разныхъ отраслей хозяйства, формъ хозяйства и, наконецъ, его система или техника.*

Мы послѣдовательно познакомились съ различными группами экономическихъ явленій и съ взаимоотношеніемъ этихъ группъ. Было выяснено при этомъ, что простѣйшей группой является та, которая обнимаетъ относительное значеніе разныхъ отраслей хозяйства, что затѣмъ формы землевладѣнія и формы хозяйства зависятъ отъ нея, что— далѣе—сочетаніемъ взаимнаго отношенія разныхъ отраслей хозяйства, формъ землевладѣнія и формъ хозяйства производится хозяйственная система или техника, что, наконецъ, распредѣленіе хозяйственныхъ благъ опредѣляется и относительнымъ значеніемъ разныхъ отраслей хозяйства, и формами экономической дѣятельности, и техникой или системой хозяйства. Вотъ важные законы соціальной статики въ отношеніи къ обширному классу общественныхъ явленій, именуемому явленіями экономическими. Всѣ эти законы получены нами путемъ конкретныхъ историческихъ наблюденій, которыя еще пригодятся намъ въ будущемъ. Конечно, можно бы было увеличить количество такихъ конкретныхъ наблюденій въ очень значительной степени, и если я не сдѣлалъ этого, то потому лишь, что, во-первыхъ, вниманіе легко можетъ утомиться калейдоскопомъ фактовъ, и этотъ калейдоскопъ можетъ заслонить самое важное—общіе выводы, а во-вторыхъ, въ послѣдующемъ изложеніи придется еще имѣть дѣло съ намѣченными сейчасъ комбинаціями экономи-

ческихъ явленій, и тогда эти комбинаціи будутъ освѣщены другимъ матеріаломъ.

Для всякаго, конечно, ясно, что предшествующее изложеніе имѣло цѣлью изобразить движущія, дѣятельныя причины экономическихъ явленій. Мы убѣдились при этомъ, что явленія народнаго хозяйства отличаются сравнительной простотой, что они генетически связаны только съ нѣкоторыми явленіями внѣшней природы, съ явленіями естественными. Конкретный историческій матеріалъ, лежавшій въ основаніи всей нашей работы, ни разу не вынудилъ насъ ввести въ область хозяйственныхъ отношеній въ качествѣ активной причины какое-либо явленіе—соціальное, политическое, психологическое. Я далекъ отъ мысли утверждать, что соціальныя, политическія, психологическія явленія совсѣмъ не вліяютъ на явленія хозяйственныя, но, во-первыхъ, весь вопросъ заключается въ силѣ и первоначальности этого вліянія, и, во-вторыхъ, что особенно важно, надо строго различать активныя причины и пассивныя условія: первыми создается существо явленія, его основная природа, вторыя производятъ лишь мелкія незначительныя перемѣны, только содѣйствуя или противодѣйствуя активнымъ причинамъ, ускоряя или замедляя нѣсколько ихъ дѣйствіе. Конкретный историческій матеріалъ уполномочиваетъ насъ, какъ я думаю, считать соціальныя, политическія и психологическія явленія лишь пассивными условіями экономическихъ явленій. Къ этому надо прибавить, что вліяніе хозяйственныхъ явленій на остальные классы явленій общежитія отличается чрезвычайно большой силой, и что хозяйство—первичный элементъ общежитія сравнительно съ соціальными отношеніями, политическимъ строемъ и психологической организаціей общества. Это будетъ ясно изъ послѣдующаго изложенія.

Гораздо болѣе сложными, чѣмъ хозяйственныя явленія, надо признать прежде всего явленія *соціальныя*. Подъ соціальнымъ строемъ разумѣется дѣленіе общества на группы, отличающіяся одна отъ другой какими-либо существенными признаками. Два признака являются въ данномъ случаѣ существенными, — экономическій и юридическій. Общественныя группы могутъ прежде всего различаться между собою сообразно тому положенію, какое занимаютъ онѣ въ процессѣ производства и обмѣна хозяйственныхъ

благъ: землевладѣлецъ доставляетъ для этого производства землю, капиталистъ даетъ денежныя средства и орудія производства, рабочій приноситъ свой трудъ, купецъ перемѣщаетъ товары изъ рукъ производителей къ потребителямъ: все это группы экономическія или такъ называемые *классы*. Но кромѣ классовъ бываютъ еще *сословія*, группы, отличающіяся одна отъ другой юридическими признаками, спеціальными правами и обязанностями, причемъ, если въ основѣ сословнаго дѣленія лежатъ права, мы имѣемъ сословія свободныя, а если преобладаютъ обязанности,—передъ нами сословія крѣпостныя. Спрашивается теперь: какими условіями опредѣляется классовое и сословное дѣленіе общества? Воспользуемся опять испытаннымъ методомъ—анализируемъ нѣсколько конкретныхъ историческихъ примѣровъ.

Французское общество во вторую половину среднихъ вѣковъ—съ XII по XV столѣтіе,—несомнѣнно, начало уже дробиться на экономическіе классы: между землевладѣльцами, земледѣльцами, купцами и ремесленниками образовались существенныя различія: землей владѣлъ уже не тотъ, кто ее обрабатывалъ, торговали не сами производители хозяйственныхъ благъ, ремесло уже обособилось отъ земледѣлія, спеціализировалось. Этого мало: тогда и сословныя, юридическія различія обозначались довольно рѣзко: землевладѣльцы или дворяне имѣли наибольшее число правъ не только гражданскихъ, но и политическихъ: они судили своихъ крестьянъ, собирали съ нихъ подати, участвовали на съѣздахъ по законодательнымъ дѣламъ, получившихъ въ XIV вѣкѣ названіе генеральныхъ штатовъ и т. д.; крестьяне были прикрѣплены къ землѣ и, слѣдовательно, не только не имѣли политическихъ правъ, но и гражданская ихъ правоспособность была ограничена; середину между дворянствомъ и крестьянами занимали горожане: они были менѣе, чѣмъ дворяне, свободны и въ гражданскомъ и въ политическомъ отношеніяхъ: въ гражданскихъ своихъ правахъ они были связаны цеховыми и гильдейскими уставами, почти не открывавшими простора для личной инициативы, для самодѣятельности и энергіи; въ политическомъ отношеніи они были болѣе, чѣмъ дворяне, обременены налогами, обязаны были нерѣдко платежами и повинностями крупнымъ сеньерамъ, т.-е. тѣмъ же дворянамъ, и имѣли меньше, чѣмъ дворяне, вліянія въ генеральныхъ штатахъ. Такова въ глав-

ныхъ чертахъ картина французскаго соціальнаго строя во второй половинѣ среднихъ вѣковъ. Историческими изслѣдованіями установлены и причины, создавшія этотъ соціальный строй: оказывается, что онѣ кроются въ экономическихъ условіяхъ времени. Чѣмъ вызвано раздѣленіе труда, спеціализація занятій, иными словами, классовое расчлененіе общества? Зарожденіемъ и первоначальнымъ развитіемъ денежнаго хозяйства. Почему дворянство обладало столь важными привилегіями? Потому что оно обладало землей, совершенно необходимой для главной въ то время отрасли промышленности — земледѣлія—и потому что львиная доля народнаго дохода поступала въ его руки. Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, гильдіи и цехи были результатомъ извѣстнаго уже намъ явленія—узости рынка, раздробленности страны на большія замкнутыя хозяйственныя области. Мы видимъ, слѣдовательно, что соціальный строй Франціи XII—XV вѣковъ сложился подъ дѣйствіемъ хозяйственныхъ явленій: и относительнаго значенія отраслей народнаго труда, и формъ хозяйства, и формъ землевладѣнія, и распредѣленія хозяйственныхъ благъ.

Чтобы убѣдиться, что этотъ законъ имѣетъ общее значеніе, возьмемъ другой примѣръ. Древнегерманское общество до поселенія германцевъ въ предѣлахъ Западной римской имперіи дѣлилось на четыре главныхъ соціальныхъ группы,—знатныхъ, свободныхъ, вольноотпущенниковъ и рабовъ. Различіе между этими группами, впрочемъ, было очень невелико, во всякомъ случаѣ несущественно. Прежде всего не было почти никакихъ юридическихъ различій между свободными и знатными; послѣдніе отличались отъ первыхъ только тѣмъ, что изъ нихъ однихъ выбирались короли и герцоги, и причина такого преимущества коренится не въ экономическомъ перевѣсѣ, а въ родовомъ бытѣ, въ томъ, что знатные происходили отъ старинныхъ родовыхъ старѣйшинъ. Не надо притомъ забывать, что главная масса германскаго общества состояла изъ свободныхъ: не только знатныхъ, но и вольноотпущенниковъ и рабовъ было немного. Если къ этому прибавить, что различія между вольноотпущенниками и рабами были также незначительны, что рабы имѣли свое хозяйство и ближе всего подходили къ полусвободнымъ, часто и скоро получая и дѣйствительную свободу, и что для вольноотпущенника въ свою оче-

редь не прекращенъ былъ доступъ въ группу людей совершенно свободныхъ,—то станетъ яснымъ, что соціальный строй древнихъ германцевъ отличался слабой расчлененностью, почти полнымъ отсутствіемъ не только юридическихъ сословій, но и экономическихъ классовъ. Причины этого историческое изученіе нашло въ хозяйствѣ германцевъ, съ нѣкоторыми чертами котораго намъ уже пришлось попутно ознакомиться: мы знаемъ, напр., что оно было натуральнымъ, и что преобладающее значеніе имѣла добывающая промышленность; не было частной собственности на землю; преобладалъ домашній трудъ, каждая семья обходилась въ добываніи всего ей потребнаго собственными силами; реальныя блага распредѣлялись равномѣрно. Этой краткой характеристики экономическаго быта древнихъ германцевъ достаточно, чтобы понять, что и въ данномъ случаѣ соціальный строй испыталъ на себѣ вліяніе хозяйственныхъ отношеній и притомъ опять таки и относительнаго значенія отдѣльныхъ отраслей труда, и формъ землевладѣнія, и формъ хозяйства, и, наконецъ, распредѣленія хозяйственныхъ благъ.

Подведемъ теперь итоги, припомнимъ еще разъ законы соціальной статики, установленные нами сейчасъ и выражающіе взаимоотношенія экономическихъ и соціальныхъ явленій. Законы эти, какъ мы видѣли, могутъ быть формулированы слѣдующимъ образомъ:

1) относительное значеніе различныхъ отраслей народнаго труда зависитъ отъ плотности населенія и лишь отчасти отъ естественныхъ условій страны;

2) формы землевладѣнія опредѣляются относительнымъ значеніемъ разныхъ отраслей хозяйства;

3) формы хозяйства создаются тѣмъ-же относительнымъ значеніемъ разныхъ отраслей труда;

4) техника или система хозяйства слагается подъ воздѣйствіемъ трехъ элементовъ экономической жизни,— относительнаго значенія разныхъ отраслей труда, формъ землевладѣнія и формъ хозяйства;

5) распредѣленіе хозяйственныхъ благъ зависитъ отъ относительнаго значенія разныхъ отраслей народнаго труда, отъ формъ хозяйства и, наконецъ, отъ его системы или техники;

6) соціальный строй, т.-е. дѣленіе общества на эконо-

мическіе классы и юридическія сословія, образуется благодаря совмѣстному дѣйствію четырехъ группъ хозяйственныхъ явленій: относительнаго значенія разныхъ отраслей народнаго труда, формъ землевладѣнія, формъ хозяйства и распредѣленія хозяйственныхъ благъ.

Всякое сколько-нибудь прочное и грандіозное сооруженіе должно покоиться на хорошемъ фундаментѣ. Заложить основаніе цѣльному и связному научному построенію— значитъ также исполнить половину дѣла. Мы построили сейчасъ фундаментъ, сдѣлали первые шаги по трудному пути *соціологическихъ обобщеній, расчистили почву для* дальнѣйшихъ построеній. Дѣйствительное значеніе общихъ выводовъ, сейчасъ формулированныхъ, выступитъ съ особенной ясностью только тогда, когда будетъ закончено все научное зданіе, постройкой котораго мы занимаемся. Ни одинъ изъ этихъ выводовъ не былъ произволенъ, каждый изъ нихъ опирался на конкретный историческій матеріалъ, обработанный и анализированный коллективными усиліями цѣлаго ряда изслѣдователей. Такая эмпирическая основа на ряду съ научностью методовъ служитъ залогомъ успѣховъ точнаго знанія. Твердо памятуя это, мы можемъ смѣло и бодро идти впередъ.

III.

Было время, когда политическіе или государственные вопросы, задачи законодательства, суда, администраціи занимали исключительное мѣсто въ умахъ людей, размышлявшихъ на общественныя темы или посвящавшихъ себя практической общественной дѣятельности. Когда Карамзинъ, напр., озаглавилъ свой трудъ „*Исторія государства* Россійскаго“ и оправдалъ содержаніемъ его это заглавіе, то онъ, несомнѣнно, отдалъ долгъ этой гипертрофіи политическихъ интересовъ въ умахъ образованнаго и мыслящаго меньшинства современнаго ему русскаго общества. Мы знаемъ теперь, что политическія явленія вовсе не имѣютъ подавляющаго значенія, что ими не исчерпывается не только вся, но и бо́льшая часть явленій общественной жизни, что

хозяйство и соціальныя отношенія представляютъ собою несравненно бо́льшія глубины народной жизни. Отсюда однако вовсе еще не слѣдуетъ, что вопросы государственной жизни не важны: дѣлая свои замѣчанія, я хотѣлъ только указать ихъ естественные, нормальные предѣлы, ихъ удѣльный вѣсъ, прежде чѣмъ устанавливать законы соціальной статики, имѣющіе отношеніе къ политической жизни.

Политическій строй или, что то—же, устройство государства не является чѣмъ-либо единымъ и неразложимымъ: и здѣсь, какъ и въ другихъ классахъ общественныхъ явленій, необходимо различать отдѣльныя группы, болѣе или менѣе обширные комплексы фактовъ. Можно установить три основныхъ группы явленій государственной жизни: во-первыхъ, средства правительственной дѣятельности, во-вторыхъ, субъектъ власти, въ третьихъ, цѣль государственнаго союза. Конкретные примѣры покажутъ намъ сейчасъ, въ чемъ тутъ дѣло.

Всякому извѣстно, какой сложной системой законодательныхъ, судебныхъ и административныхъ учрежденій обладаетъ каждое изъ современныхъ государствъ. Два большихъ разряда можно различать среди этихъ учрежденій: одни творятъ общія нормы правительственной дѣятельности, формулируютъ законодательныя правила,—это учрежденія *верховныя*; другія только исполняютъ законъ, примѣняютъ на практикѣ, въ дѣйствительности общія правила, исходящія отъ верховной власти,—это учрежденія *подчиненныя*. Такъ, англійскій парламентъ—верховное учрежденіе; императоръ всероссійскій также является носителемъ верховной власти; въ Германіи верховная власть слагается изъ взаимодѣйствія трехъ элементовъ,—рейхстага, состоящаго изъ выборныхъ депутатовъ, союзнаго совѣта, въ составъ котораго входятъ особые представители отъ правительствъ отдѣльныхъ германскихъ государствъ, и императора. Примѣрами подчиненныхъ учрежденій могутъ служить министерства въ разныхъ европейскихъ государствахъ, наши губернаторы, французскіе префекты, прусскіе оберъ-президенты—все главы администраціи въ отдѣльныхъ областяхъ и т. д. и т. д. Нетрудно уже на этихъ примѣрахъ подмѣтить, что подчиненныя учрежденія распадаются на два разряда—*центральныя*, находящіяся въ столицѣ и завѣдующія опредѣ-

ленной отраслью управленія на всемъ пространствѣ страны,— таковы министерства, и *областныя* или *мѣстныя*, вѣдающія управленіе лишь въ одной области, въ части государства; сюда относятся губернаторы, префекты, оберъ-президенты.

Таковы средства управленія. Что-же слѣдуетъ разумѣть подъ субъектомъ власти? Здѣсь разумѣется то, на какихъ основаніяхъ принадлежитъ власть въ государствѣ ея носителю или носителямъ, разумѣется самое понятіе о власти. Напр., король въ средневѣковой Европѣ или князь нашего удѣльнаго періода въ своей правительственной дѣятельности выражали взглядъ на власть какъ на предметъ частной, личной собственности; поэтому они передавали власть посредствомъ гражданскаго акта—завѣщанія, дѣлили свои государства на части между наслѣдниками совершенно такъ же, какъ и драгоцѣнности, одежду, посуду, мебель, предметы домашняго обихода и т. д. Государство того времени было „вотчиной", наслѣдственной собственностью отдѣльнаго лица, выступавшаго именно въ качествѣ гражданской личности. Въ понятіи о власти здѣсь не было почти совсѣмъ общественнаго элемента. Иной взглядъ высказывали и проводили въ дѣйствительность въ XVIII в. такіе государи, какъ Фридрихъ Великій и Петръ Великій: у нихъ ясно выразилась идея о власти, какъ общественномъ служеніи, о носителѣ власти какъ представителѣ всего государственнаго союза. „Государь—первый слуга своего государства", говорилъ Фридрихъ и потому подчинялся идеѣ закона. „Всуе законы писать, ежели ихъ не исполнять", формулировалъ въ сущности ту же мысль Петръ Великій.

Остается разъяснить понятіе о цѣли государственнаго союза. Въ той же удѣльной Россіи цѣлью правительственной дѣятельности былъ по преимуществу доходъ того, кто этой дѣятельностью занимался. Областные правители того времени—намѣстники и волостели—„кормились" на счетъ населенія, и само правительство распредѣляло административные округи такъ, чтобы намѣстники могли „быть сыты". Судья, по выраженію одного документа того времени, „своего прибытка смотритъ". Совершенно иныя понятія о цѣли государственнаго союза выражаетъ Петръ Великій, говоря о своемъ „попеченіи о *всеобщемъ благѣ*", о усиліяхъ „трудиться о пользѣ и прибыткѣ *общемъ*".

Я думаю, что приведенныхъ примѣровъ, которые еще намъ пригодятся въ будущемъ, достаточно, чтобы показать, на какія группы дѣлятся явленія государственной или политической жизни. Намъ предстоитъ теперь опредѣлить взаимныя отношенія этихъ группъ, а также связь политическихъ явленій съ соціальными и хозяйственными.

Самымъ элементарнымъ, простѣйшимъ разрядомъ политическихъ явленій надо признать, какъ показываетъ историческое изслѣдованіе, средства управленія, а исходнымъ пунктомъ ихъ организаціи является областное или мѣстное управленіе. Характерной иллюстраціей этого общаго положенія можетъ служить исторія управленія въ Россіи XVIII столѣтія. Петръ началъ свои рѣшительныя административныя преобразованія перемѣнами именно въ областномъ управленіи,—губернской реформой 1710 года. Эта реформа разрушила старинныя центральныя учрежденія—приказы, потому что губернаторы были поставлены внѣ всякой отъ нихъ зависимости. Результатомъ ея было появленіе центральнаго-подчиненнаго и вмѣстѣ высшаго учрежденія—правительствующаго сената. Но губернскія учрежденія 1710 г. подвергнуты были затѣмъ коренной передѣлкѣ, законченной въ главныхъ чертахъ въ 1720 году, и вмѣстѣ съ тѣмъ появились новыя центральныя учрежденія—коллегіи,—и преобразованъ былъ сенатъ. Въ 1775 г. Екатерина II издала „Учрежденіе о губерніяхъ“, существенно измѣнившее областное управленіе,—и въ результатѣ были разрушены коллегіи, и появилась при Александрѣ I новая организація центральныхъ учрежденій—министерствъ, причемъ преобразовано было и высшее или верховное управленіе учрежденіемъ государственнаго совѣта и опредѣленіемъ его отношеній къ комитету министровъ и сенату. Вездѣ тутъ перемѣны въ центральномъ, а затѣмъ и верховномъ управленіи были слѣдствіемъ передѣлки областныхъ учрежденій.

Подобное-же можно наблюдать въ Римѣ въ I вѣкѣ до Р. Х.; старая организація власти проконсуловъ, управлявшихъ провинціями въ качествѣ совершенно неограниченныхъ властителей, отжила свое время,—и вотъ мы видимъ, какъ власть ихъ постепенно ограничивается, какъ подъ вліяніемъ потребностей областного управленія появляются сначала временныя должности въ центрѣ государства, контролирующія дѣятельность областныхъ властей,—таковы временныя

порученія, возлагавшіяся сенатомъ на Помпея,—затѣмъ всесильная пожизненная диктатура Юлія Цезаря и, наконецъ, императорская власть въ томъ видѣ, въ какомъ она сложилась при Августѣ.

Третій примѣръ: въ періодъ времени отъ второй половины XIV в. до XVI ст. постепенно слагается административный механизмъ старой французской монархіи; при этомъ прежде всего формируется опять-таки областное управленіе: появляются финансовыя присутствія, генералъ-губернаторы, наконецъ, самые могущественные администраторы старой французской провинціи—такъ называемые, интенданты. Только на почвѣ этихъ перемѣнъ въ областномъ управленіи создалось управленіе центральное и высшее,—шесть министровъ и королевскій совѣтъ.

Мы освѣтили сейчасъ одну сторону дѣла,—взаимоотношенія отдѣльныхъ средствъ правительственной дѣятельности; но приведенные примѣры, при ихъ внимательномъ анализѣ, даютъ возможность установить основныя силы, создающія всю дѣятельность органовъ правительства—и областныхъ, и центральныхъ, и высшихъ. Для насъ ясно теперь, что такъ какъ организація областного управленія опредѣляетъ собою и строй управленія центральнаго, и устройство высшихъ учрежденій, то для разрѣшенія интересующаго насъ вопроса стоитъ только уяснить себѣ генезисъ областныхъ учрежденій.

Воспользуемся прежде всего послѣднимъ изъ приведенныхъ сейчасъ примѣровъ и посмотримъ, что̀ даетъ спеціальная историческая литература для пониманія генезиса функцій интенданта. Интендантъ въ старинной французской провинціи былъ вмѣстѣ и судьей и администраторомъ. Чрезвычайно—любопытно, что судъ интенданта испрашивается самими тяжущимися какъ особая милость, что населеніе съ большой охотой уклоняется отъ подсудности старымъ судамъ, наслѣдію феодальной эпохи, главнымъ образомъ, вслѣдствіе медленности судебной процедуры, ея крайней дороговизны и значительнаго формализма, при которомъ судьи обращали главное вниманіе не на существо дѣла, а на разныя юридическія тонкости и формы, такъ что правосудіе поглощалось крючкотворствомъ. Пока судебные процессы были сравнительной рѣдкостью, все это было терпимо и допустимо, а формализмъ былъ и вполнѣ

полезенъ, потому что сдерживалъ проявленія судейскаго усмотрѣнія. Но съ развитіемъ экономической жизни, съ ростомъ денежнаго хозяйства, съ усиленнымъ оборотомъ земли, съ усложненіемъ формъ хозяйства гражданскія тяжбы стали заурядным явленіемъ, и быстрота, дешевизна и правильность ихъ рѣшенія сдѣлались настоятельной потребностью. Итакъ, судебныя функціи интендантовъ сложились подъ вліяніемъ новыхъ экономическихъ условій. То-же надо сказать и объ административныхъ ихъ функціяхъ: финансовая дѣятельность ихъ и покровительство промышленности и торговлѣ—непосредственный результатъ первой стадіи въ развитіи денежнаго хозяйства, когда еще приходится поддерживать слабые элементы новыхъ хозяйственныхъ отношеній и объединять ихъ, сливать въ одно связное цѣлое. Но въ полицейской дѣятельности интендантовъ, помимо экономическаго вліянія, сказывается еще воздѣйствіе соціальныхъ условій: крайняя сословность, составлявшая одну изъ отличительныхъ чертъ стараго порядка во Франціи, требовала сильной полицейской власти, которая могла бы смягчить противорѣчія, умѣрить накипавшее недовольство массы привилегіями меньшинства и сдержать злоупотребленія привилегированныхъ. Отсюда та черта административнаго усмотрѣнія, которая была столь характерной для дѣятельности интендантовъ. Нетрудно понять, что соціальныя и экономическія вліянія черезъ посредство областныхъ учрежденій отражались и на центральномъ и верховномъ управленіи, и что, слѣдовательно, можно формулировать общій законъ, гласящій, что *средства правительственной дѣятельности создаются экономическими и соціальными условіями, сильнѣе всего сказывающимися въ областномъ управленіи, а черезъ посредство послѣдняго и въ управленіи центральномъ и верховномъ*. Чтобы поставить это внѣ всякихъ сомнѣній, анализируемъ еще другой приведенный сейчасъ примѣръ, касающійся Рима въ первомъ вѣкѣ до Р. Х. То было время, когда зарождалось и дѣлало первые успѣхи денежное хозяйство въ странахъ, окружавшихъ Средиземное море и соединенныхъ римлянами въ одно политическое тѣло. Денежно-хозяйственныя связи и отношенія, даже первоначальныя, предполагаютъ необходимость хотя бы сколько-нибудь точно-формулированныхъ и обезпеченныхъ гражданскихъ правъ, личной и имущественной

безопасности. Безконтрольная и безграничная власть проконсуловъ не вязалась со всѣмъ этимъ, и потому въ результатѣ получилось введеніе ея въ извѣстные предѣлы и подчиненіе контролю изъ центра, а слѣдовательно, и созданіе императорской власти. Тѣмъ-же стѣсненію проконсуловъ и сената—этихъ орудій римской правительственной аристократіи—и возвышенію императора содѣйствовали и соціальныя перемѣны: съ ростомъ денежнаго хозяйства увеличился удѣльный вѣсъ римскихъ капиталистовъ и провинціальныхъ промышленниковъ и купцовъ, ставшихъ опорой императорской власти въ ея отношеніяхъ къ сенату, выборнымъ властямъ и проконсуламъ. Опять ясно, что сдѣланный только что общій выводъ совершенно вѣренъ.

Переходя ко второму элементу политическаго строя,—къ цѣли государственнаго союза, поскольку она выражается реально въ правительственной дѣятельности, приходится прежде всего отмѣтить, что организація средствъ управленія подготовляетъ почву для осуществленія въ дѣйствительности той или иной цѣли политическаго союза. Такъ, напр., чтобы цѣль общаго блага нашла себѣ реальное воплощеніе, важно, чтобы сложились болѣе или менѣе стройныя учрежденія съ постояннымъ составомъ и опредѣленнымъ вѣдомствомъ. Вотъ почему первоначальная организація средствъ управленія, вообще говоря, хронологически предшествуетъ дѣйствительному осуществленію цѣли общаго блага. Такъ, во Франціи учрежденія стали слагаться еще въ XIV в., но идея общаго блага, какъ цѣли общественнаго союза, не говоря уже о ея реальномъ воплощеніи, опредѣлилась и выразилась не ранѣе XVI в.: только Генрихъ IV сталъ сознавать ея необходимость и дѣлать попытки провести ее въ жизнь. Нетрудно однако понять, что здѣсь средства управленія вовсе не являются активной причиной, а служатъ лишь пассивнымъ условіемъ, не создаютъ извѣстной цѣли общества, а только содѣйствуютъ ея выраженію въ дѣйствительности. Активныхъ причинъ опять надо искать въ соціальномъ строѣ и экономическихъ отношеніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь идея объ *общемъ* благѣ могла возникнуть, распространиться и сколько-нибудь воплотиться въ дѣйствительность лишь тогда, когда общество превратится въ реальное цѣлое со сплоченными тѣсно отдѣльными элементами и когда, хотя бы отчасти, въ

неполной мѣрѣ, будутъ признаны гражданскія права за народной массой, т.-е. начнетъ исчезать крѣпостное право и разовьется денежное хозяйство съ обширнымъ рынкомъ. Такъ именно и было во Франціи съ XVI вѣка, и, слѣдовательно, экономическія и соціальныя причины съ непреложной необходимостью опредѣлили цѣль государственнаго союза.

Наконецъ, наименѣе податливымъ, наиболѣе туго и медленно развивающимся является третій элементъ политической жизни,—понятіе о субъектѣ власти, поскольку оно опять-таки находитъ себѣ реальное выраженіе въ правительственной дѣятельности. Такъ, въ старой Франціи, какъ мы только что убѣдились, сложились въ извѣстной мѣрѣ правильныя учрежденія, затѣмъ сознана была и стала, хотя и медленно, проводиться въ дѣйствительность идея общаго блага, но еще въ XVIII вѣкѣ король считалъ себя носителемъ власти какъ личность, а не въ качествѣ перваго слуги государства, смотрѣлъ на государство какъ на свою личную, частную собственность. Характеренъ въ этомъ отношеніи слѣдующій примѣръ: однажды министръ финансовъ Людовика XV съ великимъ трудомъ добылъ путемъ займа на удовлетвореніе насущныхъ государственныхъ потребностей 100 милліоновъ франковъ; король, не задумываясь, въ тотъ-же день роздалъ $^3/_4$ этой суммы въ безвозвратныя пособія своимъ придворнымъ. Такіе порядки и отношенія были историческимъ наслѣдіемъ той отдаленной эпохи, когда государственное хозяйство совпадало въ своихъ предѣлахъ съ хозяйствомъ королевскимъ, когда король непосредственно владѣлъ небольшой вотчиной подобно всякому другому землевладѣльцу и только съ нея и получалъ доходы; все это, иными словами, было создано эпохой натуральнаго хозяйства и феодальнаго устройства общества.

Быть можетъ, приведенныхъ сейчасъ иллюстрацій и не вполнѣ достаточно, чтобы уяснить сущность дѣла, но въ общемъ, я думаю, недоразумѣній быть не можетъ, да и при изученіи соціальной динамики будетъ еще возможность пополнить знакомый уже намъ конкретный историческій матеріалъ новыми примѣрами.

Такимъ образомъ выводы соціальной статики въ отношеніи къ политическому строю могутъ быть формулированы слѣдующимъ образомъ:

1) простѣйшимъ элементомъ политическаго строя являются средства управленія и между ними управленіе областное, сложнѣе—цѣль государственнаго союза въ ея реальномъ выраженіи и всего сложнѣе понятіе о субъектѣ власти, опять-таки поскольку оно выражается въ политической дѣйствительности;

2) политическій строй опредѣляется экономическими и соціальными вліяніями.

Чтобы закончить обзоръ основныхъ законовъ соціальной статики, намъ остается разсмотрѣть закономѣрность психологическихъ явленій, явленій духовной культуры общества. Эта культура отличается значительной сложностью: она обнимаетъ и жизнь чувства, и дѣятельность ума, и проявленіе волевой энергіи; притомъ же въ сферѣ чувствованій слѣдуетъ различать нѣсколько категорій или разрядовъ: таковы чувства этическія или моральныя, религіозное чувство, чувствованія этическія. Весь этотъ сложный комплексъ психическихъ явленій, обнимающихъ духовную жизнь и отдѣльнаго человѣка, и цѣлаго общества, находитъ себѣ объединеніе въ томъ, что́ мы называемъ *характеромъ*. Сообразно своему характеру каждый человѣкъ и чувствуетъ, и мыслитъ, и дѣйствуетъ. Открыть законъ сочетанія чувствъ, мыслей и дѣйствій извѣстнаго человѣка значитъ понять его личность, значитъ правильно его характеризовать. То же самое надо сказать и о человѣческомъ обществѣ: тотъ, кто, задаваясь цѣлью изучить психологію общества, ограничился бы простымъ перечнемъ или описаніемъ различныхъ чувствованій, мыслей и проявленій волевой энергіи, въ данномъ обществѣ встрѣчавшихся, оказался бы заранѣе осужденнымъ на неудачу. Его изложеніе было бы мелочнымъ и безсвязнымъ. Необходимо установить между этими частностями органическую связь, необходимо собрать воедино эту „разсыпанную храмину“. Но какъ это сдѣлать? Вѣдь общество не личность, не организмъ, и уподоблять его организму значило бы впасть въ ошибку, которую и дѣлаетъ такъ называемая органическая школа въ соціологіи. Нельзя такимъ образомъ огуломъ характеризовать извѣстное общество, представляя его себѣ въ видѣ такого же недѣлимаго психическаго цѣлаго, какимъ является характеръ отдѣльнаго человѣка. Единственный правильный путь—это путь дробленія извѣстнаго общества на типы,

различенія въ немъ психологическихъ группъ людей, каждая изъ которыхъ обнимаетъ лицъ одинаковаго духовнаго склада. Вѣдь нѣтъ сомнѣнія, что несмотря на всѣ своеобразія, на различныя индивидуальныя особенности, между многими людьми можно подмѣтить нѣкоторое основное сходство, духовное родство въ тѣхъ именно элементахъ духовной ихъ природы, которымъ принадлежитъ главная роль, которыя являются основнымъ движущимъ началомъ всей психологіи людей извѣстнаго типа. Это и даетъ намъ право различать въ каждомъ обществѣ опредѣленные типы, находящіе себѣ столь яркое выраженіе въ художественной беллетристической литературѣ. Вѣдь въ сущности raison d'être серьезной художественной литературы покоится на томъ, что она отражаетъ наличность и борьбу различныхъ психическихъ типовъ, существующихъ въ обществѣ. Весь секретъ успѣха талантливыхъ писателей кроется именно въ этой чуткости, сплошь и рядомъ слѣпой, безсознательной. Но то, что̀ инстинктивно, стихійно, подъ вліяніемъ вдохновенія творитъ художникъ, то обязанъ сдѣлать и ученый, пользуясь научными пріемами и методами, привлекая иногда въ качествѣ матеріала и творчества художника. Очень часто мы встрѣчаемъ, напр., людей, основную психическую стихію которыхъ составляютъ грубыя, элементарныя, простѣйшія эгоистическія чувства,—чувство самосохраненія или страха и любовь къ пріобрѣтенію матеріальныхъ благъ, любостяжаніе или корыстолюбіе. У такихъ людей духовная жизнь отличается чрезвычайной бѣдностью: они не имѣютъ въ сущности никакихъ почти моральныхъ чувствъ: родственныя привязанности, любовь, общественныя чувства, чувство дружбы или отсутствуютъ совершенно или пріобрѣтаютъ чисто эгоистическую окраску; религія сводится у нихъ къ исполненію внѣшнихъ формъ и грубымъ суевѣріямъ; эстетическаго вкуса нѣтъ; даже болѣе сложныя эгоистическія чувства, какъ самолюбіе, чувство собственнаго достоинства, честолюбіе, жажда новизны впечатлѣній—не существуетъ для чистаго эгоиста: всему на свѣтѣ онъ предпочитаетъ личное спокойствіе, личную безопасность и матеріальную обезпеченность. Умъ его крайне субъективенъ и узокъ: онъ не понимаетъ другихъ и не хочетъ ихъ понимать, поскольку они ему непужны для его личныхъ цѣлей, у него нѣтъ научныхъ, философ-

скихъ, вообще какихъ бы то ни было высшихъ интересовъ. Бѣдности чувства и односторонности ума соотвѣтствуетъ сила воли: мотивы всѣхъ дѣйствій эгоиста одинаковы и просты, и потому ни о какомъ столкновеніи, конфликтѣ противоположныхъ чувствъ и идей и рѣчи быть не можетъ; поставивъ себѣ узкія и низменныя цѣли, эгоистъ безъ всякихъ колебаній идетъ къ нимъ, не разбирая средствъ, дѣйствуя съ сильными путемъ самоуничиженія и, гдѣ нужно, коварства, лицемѣрія и предательства, и безъ всякаго колебанія и зазрѣнія совѣсти уничтожая слабыхъ. Самымъ яркимъ художественнымъ изображеніемъ этого типа людей является всѣмъ намъ знакомая фигура героя Гоголевскихъ „Мертвыхъ душъ“ Павла Ивановича Чичикова.

Бываютъ историческія эпохи, когда Чичиковы и люди имъ подобные задаютъ основной тонъ всей общественно-психологической жизни. Такой эпохой въ исторіи западно-европейскихъ странъ были, напр., средніе вѣка, особенно первыя три четверти этого періода—съ VI по XIII вѣкъ. Рыцарь этого времени — униженный вассалъ сильнаго и высокомѣрный и жадный сеньеръ передъ слабымъ. Пріобрѣсти побольше, оградить свою личную безопасность попрочнѣе—вотъ единственныя побужденія, руководящія рыцаремъ. Любовь рядовой рыцарь той эпохи понималъ только какъ грубое чувственное ощущеніе, красоты не цѣнилъ, а его религіозныя вѣрованія слагались изъ ряда полуязыческихъ суевѣрій и проявлялись исключительно въ видѣ исполненія внѣшнихъ обрядностей, которыми трусливый эгоистъ стремился умилостивить Божество, рисовавшееся его убогому воображенію не иначе, какъ въ формѣ грубой и страшной, немилостивой силы. Набросанная сейчасъ краткая характеристика сохраняетъ свое значеніе и для другихъ группъ средневѣкового западно-европейскаго общества: и духовное лицо, и горожанина, и виллана или крестьянина можно характеризовать какъ типическихъ эгоистовъ. Утверждая однако, что эгоисты въ средніе вѣка господствовали, что подавляющее большинство людей того времени подходило подъ это психологическое опредѣленіе, нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ отрицать появленія и лицъ иного психологическаго склада. Если эгоистъ былъ побѣдителемъ, то вѣдь были и побѣжденные. Это послѣдніе живо чувствовали горечь пораженія, его матеріальныя и нравственныя послѣдствія, а

такія чувства рѣзко и глубоко отпечатлѣвались въ ихъ душѣ. Гдѣ было искать утѣшенія и спасенія отъ постигающихъ бѣдствій? На землѣ, въ этой жизни было невозможно найти ни утѣшенія, ни спасенія. И потому ихъ стали искать на небѣ, въ будущей, загробной жизни, и цѣлью земного существованія начали считать блаженство въ жизни небесной. Такъ появились религіозныя натуры, для которыхъ были ничто земныя блага и личное существованіе, слава, земная любовь, родственныя привязанности, и всѣмъ былъ аскетическій подвигъ самобичеванія и нравственнаго совершенствованія. Умъ этихъ людей былъ такъ же одностороненъ, а воля такъ же сильна, какъ и у эгоистовъ, но и то и другое было направлено совсѣмъ въ другую сторону. Типическимъ представителемъ такихъ натуръ былъ, напр., знаменитый основатель ордена нищенствующихъ монаховъ Францискъ Ассизскій.

Конечно, на ряду съ этими двумя крайностями—эгоистами и религіозно-созерцательными натурами — въ средніе вѣка нарождались и другіе характеры. Но такъ какъ намѣченные типы составляютъ главное въ психологической жизни той эпохи, то мы въ интересахъ экономіи времени оставимъ въ сторонѣ второстепенныя подробности. На основаніи предложенной психологической характеристики мы можемъ уже теперь понять, какъ главные характеры проявляли себя въ различныхъ сторонахъ средневѣкой духовной культуры. Въ области нравовъ и обычаевъ столкновеніе и взаимодѣйствіе двухъ сейчасъ намѣченныхъ типовъ повело ко многимъ противорѣчіямъ: отсюда вышли, съ одной стороны, затворничество и рабство женщинъ, жестокія и кровавыя потѣхи, повальный разгулъ, постоянная война, а за ея отсутствіемъ игра въ войну въ видѣ турниpовъ, съ другой — аскетическая подвижничество, монашеское цѣломудріе, культъ женщины, дамы сердца, носительницы высшаго идеала, поклоненіе и благоговѣніе къ которой со стороны рыцаря исключало всякую возможность плотской любви, супружескихъ отношеній. Въ религіи на ряду съ внѣшнимъ формализмомъ и грубыми суевѣріями выступаетъ постепенно на первый планъ религіозное самоуглубленіе, мистицизмъ, вѣра въ духовное сліяніе человѣка съ Богомъ посредствомъ религіознаго созерцанія и экстаза. Въ искусствѣ сказалось и суевѣрное убѣжденіе побѣдителей, что матеріальнымъ

пожертвованіемъ въ пользу церкви можно достигнуть царства небеснаго, — убѣжденіе, давшее средство для сооруженія грандіозныхъ соборовъ и аббатствъ, и духовное стремленіе побѣжденныхъ отъ бренной земли къ вѣчному небу, создавшее готическій стиль съ его тысячами тонкихъ, украшенныхъ ажурной рѣзьбой башенъ, тянущихся въ высь. Въ области науки, наконецъ, восторжествовала схоластика, подчинявшая знаніе вѣрѣ, признававшая философію служанкой богословія, пренебрегавшая земными, житейскими вопросами и задававшаяся несбыточной надеждой рѣшить разомъ, путемъ самоуглубленія человѣческаго духа, интуиціи, всѣ „проклятые вопросы“ о сущности міра, его происхожденіи и о природѣ всѣхъ вещей.

Изъ сказаннаго сейчасъ видно, что если мы раздѣлимъ всѣ общественно-психологическія явленія на разряды или классы, если мы будемъ различать, во-первыхъ, нравы и обычаи, во-вторыхъ, религію, въ-третьихъ, искусство и литературу, въ-четвертыхъ, науку и философію и, наконецъ, въ-пятыхъ, личности и характеры, то этотъ послѣдній, пятый разрядъ является ключомъ къ пониманію четырехъ первыхъ: *и нравы, и обычаи, и религія, и искусство, и литература, и наука, и философія опредѣляются всецѣло психологическимъ складомъ общества, тѣми типами или характерами, которые съ особенной силой и яркостью это общество отличаютъ*. Вотъ первый важный законъ соціальной статики въ области явленій духовной культуры.

Этотъ законъ поможетъ намъ разобраться и въ другой сторонѣ дѣла, въ разъясненіи связи между духовной культурой и условіями экономическими, соціальными и политическими. Вѣдь если корень пониманія психологической жизни общества заключается въ существующихъ въ данное время типахъ или характерахъ, то, очевидно, опредѣливъ взаимоотношеніе между этими характерами и условіями хозяйства, общественныхъ отношеній и государственнаго строя, мы тѣмъ самымъ разрѣшимъ всю стоящую передъ нами задачу.

Нетрудно понять, что господство эгоистовъ въ средніе вѣка было создано именно реальными условіями общественной жизни. То было время натуральнаго хозяйства съ преобладаніемъ земледѣлія. Натуральное хозяйство изолируетъ людей, потому что исключаетъ возможность обмѣна и живыхъ экономическихъ связей между отдѣльными семей-

ными союзами: каждая семья все производитъ для себя сама и не нуждается въ постороннемъ содѣйствіи. Уже это одно создаетъ почву для развитія элементарныхъ эгоистическихъ чувствъ. Съ другой стороны, земледѣліе невозможно безъ наличности извѣстныхъ средствъ производства,—земли и инвентаря—живого и мертваго, т.-е. рабочаго скота, сѣмянъ для посѣва, земледѣльческихъ орудій и построекъ. Это укрѣпляетъ духъ пріобрѣтательства, инстинктъ собственности, склонность къ стяжанію. Слабость техники и происходящія отсюда скудость результатовъ труда и сильная зависимость отъ естественныхъ явленій—климата, почвы, стихійныхъ бѣдствій—питаютъ и развиваютъ чувство страха, опасенія за свою жизнь. А вѣдь страхъ и инстинктъ собственности, какъ мы видѣли, и составляютъ основную психологическую стихію эгоистической натуры. Тѣ же свойства воспитываются и средневѣковыми соціальными отношеніями и политическимъ строемъ, коротко характеризуемыми, какъ извѣстно, однимъ словомъ—феодализмъ. Феодализмъ—это организованное общественное неравенство, при которомъ человѣкъ, богатый землей, обладаетъ громадными привилегіями, дѣлающими его на своей землѣ обладателемъ верховной власти, всемогущимъ вершителемъ судебъ его подданныхъ, а эти подданные оказываются почти совершенно безправными. Такой строй поощряетъ въ сеньерахъ ихъ грубые эгоистическіе инстинкты и, обездоливая массу, создаетъ въ ней, съ одной стороны, чувство страха, съ другой, религіозное настроеніе, являющееся также естественнымъ результатомъ и хозяйственныхъ невзгодъ. Такимъ образомъ второй законъ соціальной статики въ области явленій духовной культуры можетъ быть формулированъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: *психологическій складъ общества, т.-е. существующіе въ обществѣ типы или характеры, слагается подъ воздѣйствіемъ хозяйственныхъ явленій, устройства общества и государственнаго строя.*

Мы закончили изученіе законовъ соціальной статики. Формулы, нами полученныя, имѣютъ первостепенное значеніе для изслѣдованія законовъ соціальной динамики, и потому нелишнее еще разъ припомнить эти формулы, что вмѣстѣ съ тѣмъ послужитъ и надлежащимъ резюмэ всего вышеизложеннаго. Итакъ, вотъ основные законы соціальной статики:

1) явленія природы—только пассивныя условія, а не активныя причины общественныхъ явленій, только содѣйствуютъ извѣстнымъ порядкамъ общежитія, а не создаютъ ихъ;

2) вліяніе естественныхъ условій на общество послѣдовательно уменьшается по мѣрѣ развитія общественной жизни;

3) относительное значеніе разныхъ отраслей хозяйства опредѣляется степенью плотности населенія и естественными условіями страны;

4) формы землевладѣнія опредѣляются относительнымъ значеніемъ разныхъ отраслей хозяйства въ данный моментъ;

5) тѣмъ же относительнымъ значеніемъ разныхъ отраслей хозяйства опредѣляются и формы хозяйства;

6) техника, или система хозяйства слагается подъ воздѣйствіемъ трехъ элементовъ экономической жизни,—относительнаго значенія разныхъ отраслей хозяйства, формъ землевладѣнія и формъ хозяйства;

7) распредѣленіе хозяйственныхъ благъ опредѣляется вліяніемъ трехъ элементовъ хозяйственной жизни: относительнаго значенія разныхъ отраслей хозяйства, формъ хозяйства и, наконецъ, его системы или техники;

8) соціальный строй, т.-е. дѣленіе общества на экономическіе классы и юридическія сословія, образуется благодаря совмѣстному дѣйствію четырехъ группъ хозяйственныхъ явленій: относительнаго значенія разныхъ отраслей народнаго труда, формъ землевладѣнія, формъ хозяйства и распредѣленія хозяйственныхъ благъ;

9) простѣйшимъ элементомъ политическаго строя являются средства управленія и между ними управленіе областное, сложнѣе—цѣль государственнаго союза въ ея реальномъ выраженіи и, всего сложнѣе, понятіе о субъектѣ власти, опять-таки поскольку оно выражается въ политической дѣйствительности;

10) политическій строй опредѣляется экономическими и соціальными вліяніями;

11) нравы и обычаи, религія, искусство, литература, наука и философія опредѣляются всецѣло психологическимъ складомъ общества, тѣми типами или характерами, которые съ особенной силой и яркостью это общество отличаютъ;

12) психологическій складъ общества, т.-е. существующіе въ обществѣ типы или характеры, слагается подъ воздѣйствіемъ хозяйственныхъ явленій, устройства общества и и государственнаго строя.

IV.

Двѣнадцать формулированныхъ сейчасъ основныхъ законовъ соціальной статики помогутъ намъ при изслѣдованіи закономѣрности общественныхъ явленій въ ихъ движеніи или развитіи, т.-е. при установленіи законовъ соціальной динамики. Въ сущности одинъ изъ законовъ соціальной динамики, именно тотъ, который касается явленій природы въ ихъ отношеніи къ жизни общества, намъ уже извѣстенъ: онъ гласитъ, что вліяніе естественныхъ условій на общество послѣдовательно уменьшается по мѣрѣ развитія общественной жизни. Поэтому сейчасъ мы прямо перейдемъ къ изученію тѣхъ законовъ соціальной динамики, которые имѣютъ непосредственное отношеніе къ экономическимъ явленіямъ.

Итакъ спрашивается: въ какомъ направленіи или какъ развиваются въ жизни различныхъ человѣческихъ обществъ явленія хозяйственной жизни? Этотъ общій вопросъ распадается на рядъ частныхъ, продиктованныхъ классификаціей экономическихъ явленій, какъ она установлена соціальной статикой. Первый изъ такихъ частныхъ вопросовъ касается измѣненій въ относительномъ значеніи разныхъ отраслей хозяйства. Имъ мы и должны прежде всего заняться.

При этомъ мы можемъ воспользоваться отчасти уже знакомымъ намъ конкретнымъ историческимъ матеріаломъ. Мы знаемъ, напр., что древнегерманскій экономическій бытъ характеризовался подавляющимъ перевѣсомъ добывающей промышленности—германцы жили главнымъ образомъ охотой, рыболовствомъ, пчеловодствомъ,—слабостью сельскаго хозяйства, изъ отдѣльныхъ вѣтвей котораго достигло большого значенія только скотоводство, совершенной примитивностью обрабатывающей промышленности и почти полнымъ отсутствіемъ торговыхъ сношеній. Тѣми же чертами—

господствомъ добывающей промышленности и натуральнаго, безобмѣннаго хозяйства—отличался экономическій бытъ древнѣйшей Россіи, съ VI по XII вѣкъ. Это же характеризуетъ и хозяйство древнѣйшей Греціи и древнѣйшаго Рима, а также Мидіи и Персіи въ первые вѣка ихъ историческаго существованія. Правда, есть страны, относительно которыхъ сохранившіяся историческія данныя даютъ на первый взглядъ иныя показанія: такъ въ Египтѣ и въ Ассиро-Вавилоніи издавно преобладало земледѣліе. Но, не говоря уже о томъ, что здѣсь самая природа—именно наличность глубокихъ, сильно разливавшихся и разливами содѣйствовавшихъ плодородію почвы большихъ рѣкъ, Нила и Евфрата,—давала неизбѣжный перевѣсъ земледѣлію, надо замѣтить, что сохранились слѣды первоначальнаго господства и въ этихъ странахъ пастушескихъ и охотничьихъ племенъ, такъ что естественныя условія Египта и Ассиро-Вавилоніи только ускорили переходъ отъ добывающей промышленности къ земледѣлію, но вовсе не сразу, не съ самаго начала превратили эти страны въ земледѣльческія. Слѣдовательно, общее явленіе, сейчасъ нами подмѣченное, наблюдалось и въ Египтѣ и въ Ассиро-Вавилоніи. Итакъ, вотъ первый законъ соціальной динамики: *хозяйственное развитіе каждой страны начинается господствомъ натуральнаго хозяйства при преобладаніи въ то же время добывающей промышленности и скотоводства.*

Первый періодъ въ развитіи хозяйственной жизни всѣхъ народовъ является такимъ образомъ однотипнымъ. Понятна причина этого: вѣдь намъ извѣстенъ законъ соціальной статики, по которому относительное значеніе разныхъ отраслей хозяйства зависитъ отъ степени плотности населенія и отъ естественныхъ условій страны, а населеніе первобытныхъ странъ всегда отличается рѣдкостью, естественныя же ихъ условія характеризуются обиліемъ различныхъ даровъ природы,—звѣрей, птицъ, рыбъ, лѣсовъ, пастбищъ и т. д. Одинаковыя причины приводятъ повсюду и къ одинаковымъ слѣдствіямъ. Съ теченіемъ времени плотность населенія увеличивается, а дары природы уменьшаются, причемъ оба эти обстоятельства измѣняются не вездѣ равномѣрно; къ тому же и въ области явленій природы выступаетъ на первый планъ дѣйствіе условій, прежде незамѣтныхъ. Вотъ почему уже во второмъ періодѣ развитія

хозяйственной жизни слагаются два основныхъ типа экономическихъ отношеній: у обоихъ типовъ есть одинъ общій признакъ—продолжающееся господство натуральнаго хозяйства, но у каждаго есть и признаки спеціальные, ему одному свойственные: одинъ типъ характеризуется равновѣсіемъ добывающей промышленности и сельскаго хозяйства въ массѣ населенія и преобладаніемъ внѣшней торговли въ высшихъ слояхъ общества, другой отличается перевѣсомъ земледѣлія надъ другими отраслями народнаго труда. Примѣрами перваго можно считать Новгородъ и Псковъ съ XIII по XV вѣкъ, итальянскіе средневѣковые города, какъ Миланъ, Венеція, Генуя, Пиза, Флоренція, нѣмецкіе ганзейскіе города XIII вѣка во главѣ съ Любекомъ, эллинскія государства до начала V вѣка. Образцами странъ второго типа надо признать западную и восточную Русь съ XIII по XV вѣка, западно-европейскія государства съ VI по XI в. Близость моря, удобство водныхъ путей сообщенія, сохранившіеся еще въ значительномъ количествѣ дары природы, открывавшіе просторъ для охоты, рыболовства, пчеловодства, недостаточное плодородіе почвы обезпечивали Новгороду и общественнымъ союзамъ, ему подобнымъ, и возможность внѣшней торговли и занятіе въ равной мѣрѣ добывающей промышленностью и сельскимъ хозяйствомъ. Отдаленность моря и недостатокъ вполнѣ удобныхъ путей сообщенія мѣшали, напр., центральной Франціи съ VI по XI вѣкъ развить внѣшнюю торговлю, истощеніе даровъ природы и ростъ населенія дѣлали невозможнымъ преобладаніе добывающей промышленности, а наличность плодородной почвы влекла къ земледѣльческому труду. Но и здѣсь и тамъ, въ общественныхъ союзахъ обоихъ типовъ, населеніе не достигло еще такой плотности, чтобы сдѣлать необходимымъ раздѣленіе труда, а слѣдовательно, и крушеніе натуральнаго хозяйства: почти каждая хозяйственная единица—семья—удовлетворяла всѣмъ своимъ потребностямъ попрежнему собственнымъ трудомъ, не прибѣгая къ покупкѣ чужихъ продуктовъ и не продавая своихъ.

Итакъ, второй законъ соціальной динамики выражается слѣдующей формулой: *во второй стадіи хозяйственнаго развитія слагаются два типа: во-первыхъ, страны съ преобладаніемъ внѣшней торговли для высшихъ слоевъ общества и равновѣсіемъ добывающей промышленности и сельскаго*

хозяйства въ массѣ населенія; во-вторыхъ, страны съ господствомъ земледѣлія; общій обоимъ типамъ признакъ— продолжающееся господство натуральнаго хозяйства.

Ростъ населенія однако всюду продолжался съ бо́льшей или меньшей быстротой. Вмѣстѣ съ тѣмъ хозяйственныя потребности общества также увеличивались. Полное удовлетвореніе этихъ потребностей требовало повышенія производительности народнаго труда, а это повышеніе было возможно только путемъ раздѣленія занятій, спеціализаціи; спеціализація же въ свою очередь предполагаетъ обмѣнъ продуктовъ труда. Такъ, подъ вліяніемъ роста населенія совершался и совершается повсюду переходъ отъ натуральнаго, безобмѣннаго хозяйства къ хозяйству мѣновому или денежному, при которомъ не только общественные верхи, но и массы населенія втягиваются все болѣе въ торговыя сношенія. Такъ, въ древней Греціи періодъ денежнаго хозяйства начался въ V вѣкѣ до Р. Х., когда изъ аѳинскаго союза образовалась путемъ подчиненія союзниковъ Аѳинамъ обширная аѳинская держава. Древне-римское государство перешло къ денежному хозяйству незадолго до Рождества Христова. Большинство странъ Западной Европы пережило ту же важную перемѣну въ XII—XIII вѣкѣ послѣ Р. Х. Съ половины XVI столѣтія и Россія вступаетъ въ періодъ развитія денежнаго хозяйства. При первоначальномъ развитіи денежнаго хозяйства въ каждой странѣ наблюдается однако очень много общаго съ предыдущимъ періодомъ: главное сходство съ нимъ состоитъ въ томъ, что и теперь продолжаетъ почти всецѣло господствовать земледѣліе. Такъ было въ Европѣ до начала XVI в., въ Россіи до второй половины XIX вѣка. Преобладаніе земледѣлія составляетъ такимъ образомъ черту общую всѣмъ странамъ въ теченіе первой стадіи развитія денежнаго хозяйства. Но и въ это время отдѣльнымъ общественнымъ союзамъ свойственны черты спеціальныя, оригинальныя, отличающія эти союзы другъ отъ друга, позволяющія опять намѣтить типы хозяйственнаго развитія. Возьмемъ, напр., Россію съ половины XVI до половины XIX в. Уже въ началѣ этого періода, какъ показываютъ историческія изслѣдованія, здѣсь наблюдается денежное хозяйство съ обширнымъ рынкомъ, т.-е. со сбытомъ продуктовъ, разсчитаннымъ на обширную территорію: обыкновенно каждый торговый центръ обслуживалъ

тогда территорію верстъ на 150 въ окружности, болѣе крупные торговые города торговали верстъ на 300 вокругъ, а радіусъ торговаго значенія Москвы доходилъ даже до 500 верстъ. Не то было во Франціи, Англіи, Германіи, Италіи съ XII до конца XV вѣка: эти страны дробились тогда на небольшія, замкнутыя въ экономическомъ отношеніи области, группировавшіяся вокругъ города, торговаго центра, къ которому тянули мѣстности на 10, 15, 20 верстъ вокругъ. Внутри каждой изъ этихъ областей происходилъ обмѣнъ, но одна съ другой эти области не были экономически—связаны. Это было, слѣдовательно, денежное хозяйство съ небольшимъ мѣстнымъ рынкомъ, и только въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ западноевропейскія страны перешли къ денежному хозяйству съ обширнымъ, даже міровымъ рынкомъ. Въ это время и земледѣліе стало терять въ нихъ свое исключительное господство, и начался замѣтный ростъ обрабатывающей промышленности, что наблюдается и въ Россіи, въ особенности въ XVIII и первой половинѣ XIX столѣтія. Произведенныя сейчасъ историческія наблюденія позволяютъ намъ формулировать слѣдующій законъ: *третій моментъ хозяйственнаго развитія характеризуется появленіемъ денежнаго хозяйства при сохраненіи преобладанія земледѣліемъ и при ростѣ обрабатывающей промышленности; при этомъ образуются два типа: къ первому принадлежатъ страны, въ которыхъ сначала образуется денежное хозяйство съ небольшимъ мѣстнымъ рынкомъ, и потомъ уже совершается переходъ къ сбыту на обширный рынокъ; страны второго типа сразу переходятъ къ денежному хозяйству съ обширнымъ рынкомъ.*

Эта формула можетъ, даже должна вызвать одно важное недоумѣніе: почему такія типическія различія образовались и не нарушаютъ-ли они той закономѣрности, которую мы постоянно наблюдаемъ и устанавливаемъ? Конкретное историческое изученіе вполнѣ успѣшно разрѣшаетъ всѣ сомнѣнія на этотъ счетъ. Оно показываетъ, что причина отмѣченнаго сейчасъ типическаго различія коренится въ условіяхъ внѣшней природы. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь основная причина дробленія западноевропейскихъ странъ на небольшія замкнутыя экономическія области заключались въ плохомъ состояніи путей сообщенія, дѣлавшемъ невозможными торговыя сношенія между отдаленными частями страны. Конечно, и

у насъ въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ лѣтомъ пути сообщенія были не лучше, чѣмъ въ западной Европѣ XII и XIII вѣковъ. Но зимой намъ помогалъ климатъ: зимніе холода сковывали льдомъ наши многочисленныя рѣки, озера и болота и устилали землю толстымъ слоемъ снѣга; въ результатѣ получался превосходный санный путь, дававшій возможность перевозить товары съ удивлявшей иностранцевъ быстротой; отсюда и происходила возможность сбыта на обширный рынокъ. Такимъ образомъ, мы видимъ новое подтвержденіе того закона соціальной статики, по которому относительное значеніе разныхъ отраслей хозяйства зависитъ не только отъ роста населенія, но и отъ естественныхъ условій страны.

Процессъ развитія денежнаго хозяйства совершается всегда медленно и постепенно. Въ ту стадію его развитія, о которой у насъ шла рѣчь сейчасъ, въ торговый оборотъ втягивается обыкновенно еще не все населеніе, а лишь значительная часть его, и притомъ втягивается не цѣликомъ, т.-е. не всѣ предметы потребленія покупаются и продаются, а многіе еще выдѣлываются самимъ потребителемъ для себя. Человѣкъ, напр., продаетъ собственныя издѣлія изъ дерева, покупаетъ хлѣбъ, соль и мясо, но овощи и плоды имѣетъ свои, самъ изъ домашнихъ продуктовъ приготовляетъ себѣ одежду и обувь, самъ строитъ свое жилище и т. д. Дальнѣйшій ростъ населенія дѣлаетъ однако недостаточнымъ такое зачаточное состояніе денежнаго хозяйства. Все яснѣе намѣчается необходимость полной спеціализаціи, такого раздѣленія труда, при которомъ каждый занимался бы исключительно *однимъ* дѣломъ и покупалъ бы все остальное, для него необходимое. Въ результатѣ денежное хозяйство вступаетъ во вторую стадію своего развитія, причемъ роль обрабатывающей промышленности становится уже очень важной. Англія вступила въ этотъ періодъ еще въ 60-хъ годахъ XVIII вѣка, Франція въ концѣ того же столѣтія, Германія только въ XIX вѣкѣ, а наше отечество лишь съ 60-хъ годовъ истекшаго столѣтія. И опять совершающійся на нашихъ глазахъ процессъ эволюціи капиталистическаго хозяйства нельзя назвать вездѣ однообразнымъ, опять приходится различать тутъ два основныхъ типа: одинъ представленъ Англіей, страной исключительно индустріальной, съ полнымъ господствомъ обрабатывающей про-

мышленности и биржевого денежнаго капитала, представительницей другого типа является Франція, въ которой земледѣліе и обрабатывающая промышленность находятся въ приблизительномъ равновѣсіи. Нетрудно понять причину такого различія: дѣло въ томъ, что территорія Франціи обширнѣе англійской, почва плодороднѣе, а климатъ гораздо благодатнѣе, чѣмъ въ Англіи; все это содѣйствуетъ сохраненію за земледѣліемъ важнаго значенія. Наше отечество по типу своего экономическаго развитія подходитъ гораздо ближе къ Франціи, чѣмъ къ Англіи.

Итакъ, вотъ еще одинъ новый законъ соціальной динамики: *въ четвертый моментъ экономической жизни денежное хозяйство захватываетъ постепенно все населеніе, при чемъ въ однихъ странахъ торжествуетъ вполнѣ обрабатывающая промышленность, а въ другихъ сохраняется равновѣсіе между обрабатывающей промышленностью и земледѣліемъ.*

Изучая соціальную статику, мы видѣли, между прочимъ, что формы землевладѣнія и формы хозяйства опредѣляются относительнымъ значеніемъ разныхъ отраслей хозяйственной дѣятельности. Пользуясь этимъ выводомъ, мы можемъ теперь поставить въ связь съ только что установленными законами еще рядъ другихъ новыхъ.

Какія формы землевладѣнія соотвѣтствуютъ господству добывающей промышленности при натуральномъ хозяйствѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ дается изученіемъ конкретнаго историческаго матеріала, касающагося прежде всего древнихъ германцевъ, у которыхъ около Р. Х., какъ мы знаемъ, преобладала именно добывающая промышленность. Свидѣтельства Цезаря, Тацита, такъ называемыхъ „варварскихъ Правдъ“, т.-е. записей древнегерманскаго обычнаго права, наконецъ, различныя грамоты не оставляютъ сомнѣнія, что поземельныя отношенія древнихъ германцевъ складывались слѣдующимъ приблизительно образомъ: округъ, волость или село захватывало извѣстную, довольно обширную территорію, а отдѣльные дворы или семьи на время, обыкновенно на годъ, опахивали или окашивали себѣ опредѣленные участки для распашки, не подлежавшіе во время разработки заимкѣ со стороны другихъ семей. Лѣсомъ, выгономъ и всѣми другими угодьями пользовались всѣ сообща, въ мѣру потребностей. То-же можно наблюдать въ исторіи формъ землевладѣнія въ Сибири. Обычный процессъ

разселенія въ Сибири, на дѣвственныхъ почвахъ, сводится къ слѣдующему: поселившись, извѣстная группа новоселовъ—обыкновенно волость—захватываетъ себѣ большое пространство земли; сѣнными и лѣсными угодьями пользуются сообща, а для пахоты каждая отдѣльная семья занимаетъ или, какъ гласитъ техническое выраженіе, „наѣзжаетъ“ себѣ опредѣленный участокъ, которымъ и пользуется годъ или два съ тѣмъ, чтобы затѣмъ перейти къ другому. Если мѣстность степная, то такой участокъ опахивается, въ лѣсной мѣстности онъ „зачерчивается“, т.-е. ставятся зарубки на деревьяхъ. Порядокъ пользованія землей, совершенно аналогичный древнегерманскому и сибирскому, существовалъ и въ древней Руси до конца XII в.: вервь, или волость, занимала обширную территорію, а отдѣльныя семьи періодически „наѣзжали“, занимали на годъ—на два участки на этой территоріи: въ „Русской Правдѣ“ говорится объ опахиваніи и зачерчиваніи участковъ.

Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что *въ эпоху господства добывающей промышленности при натуральномъ хозяйствѣ существуетъ всегда вольное или захватное землевладѣніе.* Это и понятно: охота и первобытное скотоводство требуютъ простора, необходимо, чтобъ отдѣльныя семьи не мѣшали другъ другу, и потому волость занимала большія пространства, въ предѣлахъ которыхъ то тамъ, то сямъ производили хозяйственную эксплуатацію отдѣльные семейные союзы.

Приведенные сейчасъ конкретные примѣры достаточно характеризуютъ и господствовавшія въ тотъ періодъ формы хозяйства: типической, характерной формой хозяйственной дѣятельности и у германцевъ, и у русскихъ древнѣйшаго періода нашей исторіи былъ домашній трудъ семьи, обходившейся въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ собственными силами, безъ помощи наемныхъ рабочихъ и рабовъ. Вотъ почему, напр., „Русская Правда“ не знаетъ рабовъ, принадлежащихъ простымъ смердамъ—крестьянамъ, упоминаетъ лишь о рабахъ княжескихъ, боярскихъ и монастырскихъ, а римскіе писатели приравниваютъ германскихъ рабовъ къ полусвободнымъ и свидѣтельствуютъ о ихъ немногочисленности. Стало быть, *типической формой хозяйства при господствѣ добывающей промышленности и натуральнаго хозяйства является семейный, домашній трудъ.*

Спрашивается теперь: кто сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ главную массу земли и на какомъ правѣ владѣетъ ею въ общественныхъ союзахъ вторичной формаціи, т. е., съ одной стороны, тѣхъ, въ которыхъ высшіе слои общества занимаются по преимуществу внѣшней торговлей, масса же дѣлитъ свои силы между добывающей промышленностью и земледѣліемъ, съ другой стороны, тѣхъ, въ которыхъ земледѣліе вполнѣ торжествуетъ, причемъ въ обоихъ случаяхъ хозяйство остается натуральнымъ?

Если мы присмотримся къ землевладѣнію въ древне-эллинскихъ республикахъ VII и VI вѣковъ до Р. Х., то увидимъ, что тамъ земля постепенно уходила изъ рукъ крестьянской массы и сосредоточивалась въ рукахъ меньшинства населенія, разбогатѣвшаго благодаря внѣшней торговлѣ и соединеннымъ съ нею кредитнымъ операціямъ. Огромные по тому времени денежные капиталы искали себѣ помѣщенія въ главной цѣнности, тогда существовавшей,—землѣ,— и масса населенія нуждалась въ матеріальной поддержкѣ вслѣдствіе усиленія земледѣлія, для котораго въ большей степени, чѣмъ для добывающей промышленности, необходимъ капиталъ, обольщалась, кромѣ того, заманчивой возможностью получить сразу нѣкоторую сумму денегъ и потому обезземеливалась. Это явленіе повторяется во всѣхъ общественныхъ союзахъ того же типа. Такъ, въ нашихъ Новгородѣ и Псковѣ бояре-банкиры и купцы также постепенно стянули въ свои руки всѣ земельныя богатства. То же наблюдается въ городахъ Ганзейскаго союза и въ итальянскихъ городскихъ общинахъ среднихъ вѣковъ. Значитъ, *при натуральномъ хозяйствѣ, сопровождающемся господствомъ внѣшней торговли въ высшихъ слояхъ общества и равновѣсіемъ добывающей промышленности и земледѣлія въ массѣ населенія, земля на правѣ полной собственности сосредоточивается въ рукахъ капиталистовъ—банкировъ и купцовъ.*

Сдѣланное сейчасъ замѣчаніе о томъ, что земледѣліе требуетъ бо̀льшаго капитала, чѣмъ добывающая промышленность, и тѣмъ вынуждаетъ крестьянскую массу поступаться землей за ссуду инвентаремъ у богатыхъ людей, всецѣло примѣнима, конечно, къ тѣмъ странамъ, въ которыхъ съ натуральнымъ хозяйствомъ соединяется господство земледѣлія. И во Франціи, и въ Германіи, и въ Италіи, и

въ Англіи между VI и X вѣками крестьянство постепенно обезземеливается въ пользу дворянства и духовенства. То же повторяется и въ Россіи между XIII и XVI столѣтіями. Но этимъ дѣло не ограничивается. Крупные землевладѣльцы нуждаются въ хозяйственныхъ слугахъ-приказчикахъ или управляющихъ, а также и въ слугахъ военныхъ. Они должны награждать тѣхъ и другихъ за ихъ службу и въ то же время не могутъ давать имъ денежное жалованье, такъ какъ при господствѣ натуральнаго хозяйства количество денегъ въ странѣ бываетъ очень невелико. Остается одно: награждать за службу землей, не поступаясь въ то же время правами собственности на нее, а сдавая ее лишь во временное владѣніе подъ условіемъ службы и безъ права временнаго владѣльца ее дарить, завѣщать, закладывать и продавать, вообще отчуждать въ другія руки какимъ бы то ни было способомъ. Такое временное и условное владѣніе и извѣстно на западѣ Европы подъ именемъ бенефиція, въ древней Россіи—подъ названіемъ помѣстья, въ мусульманскихъ странахъ оно называлось иктай, а въ Византійской имперіи—проніей и харистикіей. Мы въ правѣ, слѣдовательно, сдѣлать тотъ выводъ, что *въ странахъ, въ которыхъ при сохраненіи натуральнаго хозяйства торжествуетъ земледѣліе, крестьянство обезземеливается въ пользу высшихъ слоевъ общества, и сверхъ того распространяется особый видъ временнаго и условнаго земельнаго владѣнія.*

Всякому еще со школьной скамьи извѣстно, что въ эпоху законодательства Солона, т.-е. въ началѣ VI вѣка до Р. Х., аѳинскіе землевладѣльцы получали доходъ со своихъ земель извѣстнымъ количествомъ мѣръ хлѣба, а не деньгами. Древнія хозяйственно-статистическія описанія, такъ называемыя писцовыя книги, сохранившіяся и отъ древняго Новгорода XV в., и отъ центральной Россіи того же времени, и, наконецъ, отъ средневѣковыхъ государствъ Западной Европы, также свидѣтельствуютъ, что крупные землевладѣльцы тѣхъ временъ почти не заводили собственной, барской запашки, потому что не было спроса на хлѣбъ, нельзя было продать, реализировать въ денежной суммѣ урожай, не эксплуатировали поэтому въ сколько нибудь значительномъ количествѣ ни несвободнаго-рабскаго ни тѣмъ болѣе вольнонаемнаго труда, а всю землю раздавали крестьянамъ въ аренду за оброкъ натуральный—долею

урожая или извѣстнымъ количествомъ четвертей разнаго хлѣба. Новгородъ и Аѳины—страны одного экономическаго типа, сѣверовосточная Русь XIII—XV вѣковъ и средневѣковыя западноевропейскія государства представляютъ собою другой типъ. Значитъ, *крестьянская аренда за натуральный оброкъ представляетъ собою форму хозяйства одинаково характерную для всѣхъ странъ, переживающихъ вторую стадію въ развитіи натуральнаго хозяйства.*

Переходъ къ денежному хозяйству приноситъ съ собой много новаго и для формъ землевладѣнія и для формъ хозяйства. Помѣстье, бенефицій и формы владѣнія землей, имъ подобныя, отличаются однимъ характернымъ признакомъ, это—формы владѣнія несвободныя, неспособныя къ гражданскому обороту, исключающія возможность превращенія земли въ деньги. Между тѣмъ денежное хозяйство, по самой своей сущности, представляетъ собою комплексъ такихъ экономическихъ отношеній, которыя основаны на обмѣнѣ, на свободномъ гражданскомъ оборотѣ цѣнностей, на возможности превратить въ каждый данный моментъ землю въ деньги и найти для денегъ приложеніе въ землѣ. При такихъ условіяхъ бенефицій и помѣстье скоро оказываются анахронизмомъ и подъ давленіемъ новыхъ хозяйственныхъ потребностей исчезаютъ и замѣняются другими поземельными отношеніями. На западѣ Европы бенефицій превращается въ ленъ или феодъ, подлежавшій отчужденію—продажѣ, залогу, дару, мѣнѣ—и наслѣдственный. Въ Россіи XVII вѣка помѣстье постепенно приближается къ вотчинѣ: оно передается сыновьямъ владѣльца, мѣняется, даже сдается за деньги, т.-е. въ сущности продается, а при Петрѣ Великомъ сливается съ вотчиной въ одинъ видъ дворянской недвижимой собственности. При всѣхъ различіяхъ въ политическомъ отношеніи, ленъ и дворянская недвижимая собственность имѣютъ много сходства: во-первыхъ, какъ сейчасъ указано, они отчуждаемы и наслѣдственны, чего требуетъ денежное хозяйство; во-вторыхъ, эта отчуждаемость имѣетъ свои предѣлы: продавать, закладывать, дарить и мѣнять землю можно только дворянамъ же, а не лицамъ другихъ сословій; другими словами, на смѣну несвободнымъ формамъ землевладѣнія, характернымъ для второй стадіи развитія натуральнаго хозяйства, *при зарожденіи и ростѣ денежнаго хозяйства, пока господствуетъ*

земледѣліе, типической формой землевладѣнія является дворянская сословная, т.-е. полусвободная, земельная собственность.

Не менѣе глубокую печать налагаетъ денежное хозяйство уже въ первомъ періодѣ своего развитія и на формы хозяйства. Теперь появляется спросъ на хлѣбъ, и потому землевладѣльцы заводятъ и расширяютъ свою барскую пашню. Для обработки ея нужны рабочіе, и вотъ появляются и умножаются на пашнѣ и на западѣ Европы и у насъ рабы. Мало того: крестьяне обязываются отбывать барщину, и такъ какъ необходимъ постоянный контингентъ рабочихъ, то и прикрѣпляются. Такъ постепенно слагается *типическій для денежнаго хозяйства при господствѣ земледѣлія крѣпостной барщинный трудъ.*

Наступаетъ, наконецъ, четвертый моментъ хозяйственнаго развитія,—торжествуетъ денежное хозяйство или съ перевѣсомъ обрабатывающей промышленности, или съ равновѣсіемъ между этою послѣднею и земледѣліемъ. Въ обоихъ случаяхъ появляется одинаковый эффектъ въ области землевладѣльческихъ порядковъ: такъ какъ денежное хозяйство, если оно развилось въ достаточной степени, обусловливаетъ необходимость свободнаго оборота цѣнностей въ странѣ, то остатокъ стѣсненія въ этомъ отношеніи — *сословность* поземельной собственности, привилегія дворянства, имѣвшаго исключительное право владѣть землей, — исчезаетъ: лица всѣхъ званій и состояній пріобрѣтаютъ право владѣть земельной собственностью. Это наблюдается въ западноевропейскихъ странахъ уже съ XVI вѣка и еще болѣе въ XVII и XVIII. У насъ въ Россіи только XIX столѣтіе произвело эту перемѣну: ее окончательно утвердила крестьянская реформа 19 февраля 1861 года. Необходимо ненадолго остановиться сейчасъ на нѣкоторыхъ весьма важныхъ подробностяхъ, касающихся отношенія крестьянъ къ землѣ. Мы уже видѣли, что въ первый періодъ экономическаго развитія въ рукахъ крестьянской массы сосредоточивалось много земли, но юридическія отношенія крестьянъ къ этой землѣ не были вполнѣ организованы и въ достаточной степени опредѣлены. Каждая семья лишь на годъ или на два захватывала себѣ участки для эксплуатаціи въ предѣлахъ территоріи, занятой вервью. Намъ извѣстно также, что во второй періодъ хозяйственнаго развитія крестьянство

всюду было обезземелено, но подробности хода этого обезземеленія не были еще указаны. Дѣло шло приблизительно такъ: населеніе увеличивалось, и вольное или захватное землепользованіе перваго періода стало невозможнымъ; поэтому каждое отдѣльное крестьянское хозяйство усѣлось на землѣ прочнѣе, а такимъ хозяйствомъ былъ въ то время обширный семейный союзъ, обыкновенно состоявшій изъ отца, иногда и дѣда и нѣсколькихъ сыновей съ ихъ семьями и не дѣлившій земли между своими членами, а распредѣлявшій только результаты труда. Но это распредѣленіе носило оригинальную черту, легко объяснимую посредствомъ слѣдующаго схематическаго примѣра: допустимъ, что у основателя семьи было два сына. По смерти отца они не дѣлили землю, работали сообща и дѣлили пополамъ лишь продуктъ, результатъ труда. Въ третьемъ поколѣніи дѣло, допустимъ, сложилось такъ, что у перваго изъ сыновей родоначальника былъ одинъ сынъ, а у второго два. И эти трое внуковъ родоначальника не дѣлили земли, работали сообща, а дѣлились лишь продуктомъ, но—это-то и есть самое главное—дѣлились непоровну, а такъ, что внукъ отъ перваго сына родоначальника наслѣдовалъ всю долю продукта, получавшуюся нѣкогда его отцомъ, т.-е. половину, тогда какъ другая половина доставалась поровну—по четверти—двоимъ внукамъ родоначальника, происшедшимъ отъ его второго сына. Такимъ образомъ, вкладывая одинаковый трудъ въ землю, трое родственниковъ-совладѣльцевъ получали непоровну. Это заставляло тѣхъ изъ нихъ, кто былъ наиболѣе обиженъ, искать выхода изъ союза, и въ результатѣ они добились права продавать, закладывать, дарить и мѣнять свое мѣсто въ семейномъ союзѣ и вмѣстѣ свою долю продукта постороннимъ. Такимъ путемъ въ родственный союзъ проникли чужеродные элементы, посторонніе. Такіе совладѣльцы — родственники и посторонніе — получили у насъ на сѣверѣ названіе складниковъ, сябровъ (шабровъ) или сосѣдей, діаниковъ или братьевъ вервныхъ у западныхъ славянъ, вициновъ на западѣ Европы. Отсюда и самые союзы назывались складническими сябринными сосѣдскими, иногда дворищами, печищами, вервями, геніалогіями, парсаннеріями и т. д. Такое землевладѣніе удобнѣе всего называть сябриннымъ. Чужеродные элементы еще болѣе тянули врозь, и отсюда произошли сначала временные передѣлы, а потомъ окончатель-

ные раздѣлы земли между совладѣльцами, причемъ открылась уже полная возможность отчужденія земли богатымъ людямъ, и въ результатѣ получилось подъ давленіемъ экономическихъ условій обезземеленіе крестьянской массы. Все это, какъ намъ уже извѣстно, случилось еще во второй періодъ развитія натуральнаго хозяйства.

Первая стадія развитія хозяйства денежнаго принесла съ собой существенныя перемѣны въ отношеніи къ землѣ крестьянъ, сдѣлавшихся теперь крѣпостными. Отъ предшествующаго времени крестьяне унаслѣдовали неравномѣрность участковъ земли, какими пользовались отдѣльные изъ нихъ: у одного крестьянина было много земли, другому ея не хватало. Малоземельныхъ было большинство, и это-то большинство потребовало передѣла земли, „земельнаго поравненія". Такъ какъ съ этимъ связана была платежеспособность и работоспособность отдѣльныхъ крестьянскихъ дворовъ—малоземельный крестьянинъ былъ плохимъ работникомъ на барщинѣ и дурнымъ плательщикомъ господскихъ оброковъ и государственныхъ податей, — то землевладѣльцы—дворяне и государство пошли навстрѣчу желаніямъ крестьянской массы и установили періодическій передѣлъ земель, находившихся въ пользованіи крѣпостныхъ крестьянъ. Такъ во всѣхъ странахъ произошла крѣпостная земельная община, такъ называемое мірское или общинное землепользованіе.

Четвертый періодъ хозяйственнаго развитія, ознаменовывающійся полнымъ торжествомъ денежнаго хозяйства, наноситъ смертельный ударъ не только сословному полусвободному дворянскому землевладѣнію, но и полусвободному мірскому крестьянскому: земельная община исключаетъ возможность отчужденія надѣловъ, а денежное хозяйство требуетъ свободнаго оборота всѣхъ цѣнностей. Вотъ почему общинное землевладѣніе почти совершенно исчезло на западѣ Европы, у насъ въ западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ, и сохраняется лишь тамъ, гдѣ денежное хозяйство не захватило цѣликомъ земледѣлія. Да и въ этихъ мѣстахъ наблюдается послѣдовательный процессъ разложенія: не имѣя возможности продать, заложить или подарить свой надѣлъ, крестьянинъ-общинникъ отдаетъ его въ аренду богатому односельчанину на долгій срокъ — иногда на 99 лѣтъ — за ничтожную плату, получаемую притомъ единовременно: это—

не что иное, какъ замаскированная продажа, такъ что мірское землевладѣніе, поскольку оно перестаетъ соотвѣтствовать экономическимъ условіямъ, обращается въ юридическую фикцію, на дѣлѣ исчезаетъ.

Намѣченный сейчасъ процессъ перемѣнъ въ области крестьянскаго землевладѣнія наглядно подтверждаетъ, такимъ образомъ, выведенный раньше общій законъ, по которому *четвертый моментъ хозяйственнаго развитія характеризуется господствомъ свободной безсословной земельной собственности.*

Наблюденія надъ особенностями этого момента экономической эволюціи для насъ тѣмъ легче, что онъ въ сущности сама современность, особенно на западѣ Европы. Оглянувшись вокругъ, присмотрѣвшись къ повседневной дѣйствительности, мы легко можемъ подмѣтить и характерныя для четвертаго момента формы хозяйства. Вообще говоря, можно утверждать, что чѣмъ сильнѣе развито денежное хозяйство, тѣмъ крупнѣе хозяйственныя предпріятія и тѣмъ полнѣе господствуетъ въ нихъ вольнонаемный трудъ свободныхъ и полноправныхъ рабочихъ. Для обезпеченія своихъ интересовъ та и другая сторона—хозяева и рабочіе—смыкается при этомъ все чаще и чаще въ союзы: каждому хорошо извѣстны и рабочіе союзы, и союзы предпринимателей—трёсты, синдикаты, картели. Итакъ, *въ области формъ хозяйства четвертый моментъ экономическаго развитія отличается ростомъ крупныхъ предпріятій, господствомъ вольнонаемнаго труда и развитіемъ рабочихъ и предпринимательскихъ союзовъ.* Все это опять-таки логически, неизбѣжно вытекаетъ изъ самой природы капиталистическаго денежнаго хозяйства: приложеніе капитала въ крупныхъ размѣрахъ сопряжено со многими выгодами, съ большой экономіей силъ и средствъ; вольнонаемный трудъ—частное выраженіе того общаго закона, что денежное хозяйство обусловливаетъ свободу оборота всѣхъ цѣнностей, потому что рабочія руки—вѣдь тоже извѣстная цѣнность и притомъ главная цѣнность, основной товаръ, обращающійся на міровомъ рынкѣ; наконецъ, союзы рабочихъ и предпринимателей являются коррективомъ злоупотребленій и лѣкарствомъ отъ главной болѣзни капиталистическаго хозяйства—неорганизованности мірового производства, выражающейся наиболѣе ярко въ такъ-называемыхъ экономическихъ кризисахъ.

Чтобы понять законы развитія *техники или системы хозяйства*, воспользуемся прежде всего извѣстнымъ уже намъ отчасти конкретнымъ матеріаломъ. Въ свое время было уже сказано, что у древнихъ германцевъ въ I, II и III вѣкахъ послѣ Р. Х. система хозяйства характеризовалась господствомъ ручного труда, въ обрабатывающей промышленности и—прибавимъ сейчасъ—подсѣчнымъ, огневымъ или лядиннымъ хозяйствомъ въ земледѣліи, наконецъ хищническимъ истребленіемъ даровъ природы въ промышленности добывающей. Первоначальная исторія любого народа подтверждаетъ это наблюденіе: то же мы видимъ, напр., въ древнѣйшей Греціи, въ началѣ римской исторіи, въ первыя времена исторической жизни русскаго народа и т. д. *Вообще первый моментъ экономической эволюціи отличается полнымъ господствомъ экстенсивной системы хозяйства, съ ничтожной затратой капитала и труда*, что обусловливается и относительнымъ значеніемъ разныхъ отраслей хозяйства, и вольнымъ землепользованіемъ, и домашними формами производства.

Ростъ земледѣлія и торговли во второй періодъ исключалъ возможность сохраненія столь примитивной техники; къ тому же приводили новыя формы землевладѣнія, прочнѣе привязавшія человѣка къ землѣ. Но эти же формы землевладѣнія, особенно такія, какъ помѣстье или бенефицій, отодвигая на второй планъ подсѣчную систему, вполнѣ соотвѣтствовали системѣ переложной, при которой распахиваемое пространство все еще ничтожно, и перелогъ безъ всякаго удобренія возстановляетъ свои производительныя силы. Формы хозяйства также соотвѣтствуютъ нѣсколько бо̀льшей, чѣмъ прежде, интенсивности техники: арендаторъ-земледѣлецъ тѣснѣе связывается со своимъ участкомъ земли, чѣмъ первобытный охотникъ или скотоводъ, но все-таки онъ связывается съ этимъ участкомъ ненадолго: опять переложная система оказывается наиболѣе подходящей. Въ обрабатывающей промышленности на ряду съ домашнимъ производствомъ для собственнаго потребленія появляется ремесло, гдѣ примѣняется не только ручной трудъ, а вводятся уже нѣкоторыя орудія болѣе совершенныя, чѣмъ существовавшія раньше. Въ торговлѣ господствуетъ не одна караванная система; она осложняется примѣсью системы ярмарокъ. Все это подтверждается наблюденіями

надъ экономической жизнью древней Эллады VII и VI в., Россіи въ XIII, XIV, XV столѣтіяхъ, европейскаго запада съ VI по X вѣкъ. Мы въ правѣ, слѣдовательно, вывести тотъ общій законъ, что *во второй періодъ хозяйственнаго развитія преобладаетъ менѣе экстенсивная система хозяйства.*

Россія съ XVI до половины XIX в., какъ я уже имѣлъ случай констатировать, была страной трехпольнаго полевого хозяйства. Въ то же время появилась и болѣе совершенная техника обрабатывающей промышленности: кустарь, черезъ посредство скупщика, пріобрѣтающій обширный рынокъ для своихъ продуктовъ, мало-по-малу совершенствуетъ свои орудія и доходитъ до изобрѣтенія первобытныхъ, самодѣльныхъ машинъ; то же и пока не въ бо́льшей степени наблюдается во вновь возникающей фабрикѣ. Такимъ образомъ *господство трехполья въ земледѣліи и зарожденіе первоначальныхъ машинъ въ обрабатывающей промышленности составляютъ отличительныя черты техники хозяйства въ третій моментъ экономической эволюціи.*

Систему хозяйства *въ четвертый моментъ* мы наблюдаемъ, какъ современники, и легко можемъ, руководясь собственнымъ опытомъ и наблюденіемъ, намѣтить ея типическія особенности; многополье—плодосмѣнъ въ земледѣліи, при которомъ исчезаетъ паръ, вводится искусственное удобреніе, сѣются кормовыя травы, корнеплоды смѣняются зерновыми хлѣбами, машинное производство въ обрабатывающей промышленности, паденіе ярмарочно-караванной торговли и замѣна ея коммивояжерствомъ, агентурой, постоянными выставками, телеграфными, телефонными и желѣзнодорожными сношеніями, короче говоря — *полное господство интенсивныхъ системъ хозяйства, сопровождающихся колоссальными затратами капитала и труда,—вотъ что характеризуетъ хозяйственную технику четвертаго періода.*

Сложная тема, которую мы сейчасъ обсуждаемъ, будетъ вполнѣ исчерпана, если мы установимъ законы *распредѣленія хозяйственныхъ благъ* въ каждый изъ четырехъ періодовъ экономическаго развитія, т.-е. опредѣлимъ, какъ въ разныя времена распредѣляются доли народнаго дохода между земельной рентой, доходомъ на капиталъ, заработной платой и государственными налогами. Для всякаго ясно, что, пока земли много, пока существуетъ вольное или захватное землевладѣніе, о земельной рентѣ, какъ сколько-

нибудь значительной вѣтви народнаго дохода, не можетъ быть и рѣчи. Характерно въ этомъ отношеніи то, что въ древнѣйшее время, напр., у насъ въ Россіи до XII вѣка земля не была даже предметомъ гражданскаго оборота, не продавалась и не покупалась. Такъ какъ форма хозяйства въ то же время была домашней, семейной, то не было въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ нужды въ наемныхъ рабочихъ, и потому заработная плата была невелика: въ XII в. у насъ въ Россіи работа двухъ женщинъ цѣнилась приблизительно въ 8 руб. на наши деньги въ годъ. Зато до чрезвычайности рѣдокъ и потому дорогъ былъ денежный капиталъ: въ томъ же XII столѣтіи 50% были довольно обычнымъ на Руси процентомъ на капиталъ. Такъ какъ государственныя потребности были еще не развиты, то налоги и абсолютно и относительно были невелики. Характерной чертой распредѣленія хозяйственныхъ благъ въ первый періодъ экономической жизни надо признать еще сравнительную равномѣрность въ распредѣленіи реальныхъ благъ, предметовъ потребленія, при неравномѣрности въ распредѣленіи денежнаго капитала. Итакъ, *характерными для перваго періода явленіями надо признать низкій уровень ренты, заработной платы и государственныхъ налоговъ, чрезвычайную высоту процента на капиталъ и равномѣрность въ распредѣленіи реальныхъ хозяйственныхъ благъ между отдѣльными группами населенія.*

Во второй періодъ хозяйственнаго развитія увеличивается доля, приходящаяся на ренту, заработную плату и налоги, понижается процентъ на капиталъ и, наконецъ, реальныя блага распредѣляются менѣе равномѣрно,—въ пользу меньшинства и въ ущербъ массѣ населенія. Это доказывается цѣлымъ рядомъ конкретныхъ наблюденій, указывающихъ, напр., на ростъ цѣнъ на землю: такъ, въ Россіи въ началѣ XVI в. десятина земли стоила уже на наши деньги 28 руб. Повысилась, хотя и менѣе значительно, заработная плата. Въ видѣ государственныхъ налоговъ населеніе уплачивало въ XV и XVI в. не болѣе 10—15% своего валового дохода. Наконецъ, процентъ на капиталъ понизился до 20-ти. Совершенно подобныя же явленія можно наблюдать, напр., въ древней Эллады VII и VI вѣковъ до Р. Х. и въ западноевропейскихъ странахъ въ первую половину среднихъ вѣковъ.

Въ слѣдующій затѣмъ періодъ цѣнность земли увеличивается вдвое противъ предыдущаго, растетъ значительно и и заработная плата, государственное обложеніе становится вдвое и втрое тяжелѣе, —налоги захватываютъ до 20—30% валового дохода, процентъ на капиталъ понижается очень быстро: до 10, 8, даже до 6%. Въ то же время массы и привилегированное меньшинство, обыкновенно свободное притомъ отъ податного обложенія, начинаютъ представлять собою два контраста въ отношеніи матеріальной обезпеченности. Франція стараго порядка, напр., представляетъ собою типическую въ этомъ отношеніи страну. То же можно наблюдать въ старой Англіи въ XVI, XVII и первой половинѣ XVIII в. или у насъ въ Россіи въ XVII, XVIII и первой половинѣ XIX в. Слѣдовательно, *для третьяго періода экономической жизни характернымъ оказывается очень быстрый ростъ ренты, заработной платы и государственныхъ налоговъ, паденіе процента на капиталъ и развитіе пауперизма.*

Всякому, кто присматривался къ современной дѣйствительности, извѣстно, что и *для четвертаго періода характерны тѣ же явленія, темпъ развитія которыхъ въ это время еще болѣе ускоряется.* Головокружительный подъемъ земельныхъ цѣнъ сразу бросается въ глаза; правда, онъ отчасти объясняется земельной спекуляціей, но если даже исключить это условіе, ростъ ренты сомнѣнію подлежать не можетъ: разумѣется, рѣчь идетъ о благоустроенныхъ хозяйствахъ, могущихъ противостоять давленію мірового сельскохозяйственнаго кризиса. Заработная плата также растетъ: хорошій фабричный рабочій у насъ въ Россіи можетъ заработать $1^1/_2$—2 рубля въ рабочій день, на западѣ еще больше. Налоги увеличиваются до чрезвычайности, хотя намѣчается частичное стремленіе къ обложенію и привилегированнаго меньшинства въ видѣ прогрессивнаго подоходнаго налога въ Германіи и Англіи, обложеніе наслѣдствъ, поземельныхъ налоговъ, распространяющихся и на дворянскія имѣнія, и т. д. Капиталъ сильно дешевѣетъ, приноситъ 5, 4, 3 и даже 2% прибыли. Наконецъ, рѣзко выражены и имущественные контрасты между отдѣльными общественными группами.

Возобновимъ теперь еще разъ въ нашей памяти формулированные сейчасъ законы соціальной динамики, касаю-

щіеся развитія экономическихъ явленій. Удобнѣе будетъ при этомъ изложить ихъ не въ томъ порядкѣ, какъ они нами устанавливались: мы слѣдили особо за измѣненіями каждаго отдѣльнаго элемента экономической жизни въ разные періоды, а теперь характеризуемъ каждый изъ четырехъ періодовъ экономическаго развитія какъ цѣлое, собравъ воедино отдѣльные его хозяйственные признаки. Въ результатѣ получатся слѣдующіе четыре общихъ закона:

1) Первый періодъ хозяйственнаго развитія отличается всегда преобладаніемъ добывающей промышленности и первобытнаго скотоводства при сохраненіи натуральнаго хозяйства, господствомъ вольнаго или захватнаго землевладѣнія, домашней формы хозяйства, крайне-экстенсивной техники, низкимъ уровнемъ земельной ренты, заработной платы и государственныхъ налоговъ при чрезвычайной высотѣ процента на капиталъ и сравнительно—равномѣрномъ распредѣленіи реальныхъ хозяйственныхъ благъ между отдѣльными группами населенія.

2) Во второй періодъ экономической жизни сохраняется натуральное хозяйство, но въ однѣхъ странахъ преобладаетъ въ высшихъ классахъ общества внѣшняя торговля, въ низшихъ же сельское хозяйство и добывающая промышленность находятся въ равновѣсіи, а въ другихъ странахъ земледѣліе одерживаетъ полную побѣду; при этомъ крестьянство обезземеливается, и образуются формы условнаго и временнаго землевладѣнія, форма хозяйства въ общемъ остается домашней, техника лишь нѣсколько улучшается, повышаются рента, заработная плата, государственные налоги, дешевѣетъ капиталъ, и, наконецъ, впервые намѣчаются контрасты въ распредѣленіи реальныхъ хозяйственныхъ благъ между отдѣльными слоями общества.

3) Зарожденіе и первоначальное развитіе денежнаго хозяйства, при сохраняющемся преобладаніи земледѣлія, сословная полусвободная земельная собственность, крѣпостная форма хозяйства, трехполье въ области техники производства, дальнѣйшее повышеніе ренты, заработной платы и налоговъ при пониженіи процента на капиталъ и развитіе пауперизма—вотъ отличительныя черты третьяго періода экономической эволюціи.

4) Наконецъ, четвертый періодъ характеризуется полнымъ расцвѣтомъ денежнаго хозяйства при рѣшительномъ преоб-

ладаніи обрабатывающей промышленности въ однѣхъ странахъ и равновѣсіи ея съ земледѣліемъ въ другихъ, торжествомъ свободныхъ формъ землевладѣнія, вольнонаемнаго труда, интенсивной техники хозяйства, быстрымъ ростомъ земельной ренты, заработной платы и налоговъ, чрезвычайнымъ пониженіемъ процента на капиталъ и продолжающимся пауперизмомъ, причемъ обнаруживаются тенденціи къ большему обложенію крупныхъ доходовъ въ пользу государства.

V.

Согласно принятому нами порядку изложенія, мы должны теперь заняться изученіемъ основныхъ законовъ соціальной динамики, касающихся развитія соціальнаго строя или, что то же, устройства общества.

Въ нашемъ распоряженіи имѣется уже отчасти конкретный матеріалъ для вывода общаго закона общественнаго устройства въ первый, начальный періодъ жизни каждаго народа: уже при соціально-статическомъ изслѣдованіи приходилось говорить о древнегерманскомъ обществѣ до поселенія германцевъ въ предѣлахъ Римской имперіи, и мы убѣдились тогда, что соотвѣтственно господству добывающей промышленности при натуральномъ хозяйствѣ, вольному землепользованію, домашнему производству и равномѣрному распредѣленію реальныхъ благъ древнегерманское общество было чрезвычайно слабо расчленено: въ немъ совершенно не было юридическихъ сословій, и даже экономическіе классы далеко еще не сложились. Тѣ же заключенія получатся, если наблюдать соціальный строй древнѣйшей Россіи, Рима въ первые вѣка его существованія, древнѣйшей Эллады и т. д. Итакъ, *первый періодъ соціальнаго развитія характеризуется неорганизованностью общества, отсутствіемъ сословій и классовъ.* Несравненно опредѣленнѣе выступаютъ общественныя отношенія во второй періодъ, причемъ надо опять отличать различные типы соціальныхъ отношеній, какъ мы различали типы хозяйственнаго развитія. Это и неудивительно: вѣдь намъ уже извѣстна сильная зависимость соціаль-

наго строя отъ экономическихъ условій. Возьмемъ Новгородъ XIII, XIV и XV вѣковъ—типическій образецъ общественнаго союза, въ которомъ высшіе слои занимаются торговлей и кредитными операціями, а масса остается при натуральномъ хозяйствѣ и посвящаетъ свои силы столько же добывающей промышленности, сколько и земледѣлію. Уже сдѣланное въ этихъ немногихъ словахъ опредѣленіе показываетъ, что между отдѣльными группами новгородскаго общества были экономическія различія, что классовое расчлененіе сдѣлало успѣхи. И это тѣмъ болѣе ясно, что, какъ намъ уже извѣстно, крестьянская масса въ Новгородѣ была уже обезземелена, земли сосредоточились въ рукахъ меньшинства, а контрасты въ распредѣленіи реальныхъ хозяйственныхъ благъ, прежде не существовавшіе, стали обозначаться уже довольно рѣзко. Но и этого мало: между отдѣльными группами новгородскаго общества—боярами, купцами, богатѣйшіе изъ которыхъ назывались житьими людьми и черными людьми—существовали и юридическія различія: бояре имѣли исключительное право занятія высшихъ административныхъ должностей и участія въ правительственномъ совѣтѣ, купцы держали въ своихъ рукахъ коммерческій судъ, а черные люди имѣли наименьшее количество правъ: они, какъ и бояре и куппы, могли только участвовать въ вѣчѣ или народномъ собраніи. Значитъ, въ Новгородѣ сложились и сословія и притомъ сословія свободныя, основанныя на правахъ, а не на обязанностяхъ. Можно подобрать значительное количество параллелей нарисованной сейчасъ картины общественнаго устройства въ древнерусскомъ вольномъ городѣ. То же встрѣчаемъ мы, напр., въ Римѣ въ эпоху Сервія Туллія и въ Аѳинахъ при Солонѣ: каждый изъ школьныхъ учебниковъ помнитъ дѣленіе римлянъ на пять группъ и аѳинянъ на четыре группы, причемъ нетрудно подмѣтить въ основѣ этого дѣленія не только классовые, но и сословные признаки. То же почти наблюдается и въ общественныхъ союзахъ другого типа, въ такихъ именно, гдѣ при сохраненіи натуральнаго хозяйства на первый планъ выступаетъ земледѣліе: и здѣсь земля сосредоточивается въ рукахъ меньшинства, и это меньшинство по своему богатству противополагается малоимущей массѣ. Поэтому опредѣляется два класса—богатыхъ землевладѣльцевъ и бѣдныхъ земледѣльцевъ, а такъ какъ землевладѣлецъ того времени имѣлъ тогда

право суда и сбора налоговъ съ лицъ, жившихъ на его землѣ, то, значитъ, существовали и все рѣзче опредѣлялись и сословныя различія, хотя, конечно, о полной ихъ законченности нѣтъ еще рѣчи: личная свобода массъ еще не отмѣнена, не исчезла. Сѣверовосточная—владимирская, потомъ московская—Русь XIII, XIV и XV вѣковъ и западноевропейскія страны съ VI по X вѣкъ представляютъ собою наглядные примѣры именно такихъ соціальныхъ отношеній. *Образованіе классовъ и сословій, хотя и не вполнѣ законченныхъ и организованныхъ, и составляетъ отличительную черту второго періода общественнаго развитія.*

Въ третій періодъ нами наблюдались опять два типа экономическаго развитія: однѣ страны, какъ, напр., страны европейскаго запада, переживали переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному въ извѣстной постепенности: сначала—съ XII по XV вѣкъ—въ нихъ существовало денежное хозяйство съ небольшимъ мѣстнымъ рынкомъ и только съ XVI столѣтія рынокъ расширяется и становится мало-по-малу міровымъ; другія страны, какъ Россія, съ половины XVI в., сразу перешли къ денежному хозяйству съ обширнымъ рынкомъ, причемъ однако и здѣсь и тамъ, и въ Россіи и на западѣ Европы, земледѣліе долго играло опредѣляющую главную роль. Эти особенности, какъ и это сходство, отразились и въ области соціальныхъ отношеній. Пока на западѣ господствовало денежное хозяйство съ небольшимъ мѣстнымъ рынкомъ, общество устроено было приблизительно слѣдующимъ образомъ: рѣзко обозначились экономическіе классы—землевладѣльцы, купцы и ремесленники и земледѣльцы; это классовое дѣленіе осложнилось и юридическими, сословными различіями: землевладѣльцы, или сеньеры, судили своихъ крестьянъ, собирали съ нихъ подати, участвовали въ законодательныхъ съѣздахъ—генеральныхъ штатахъ во Франціи, парламентѣ въ Англіи, сеймѣ въ Германіи—и т. д.; купцы и ремесленники, т.-е. горожане, имѣли часто право самоуправленія и участія въ законодательныхъ съѣздахъ; крестьяне были прикрѣплены къ землѣ, т.-е. ни они сами не могли уйти съ занятыхъ ими участковъ, ни землевладѣльцы не могли ихъ перевести въ другое мѣсто или продать безъ земли; это понятно: вѣдь такъ какъ рынокъ узокъ, такъ какъ жители извѣстной области торгуютъ только другъ съ другомъ, то въ предѣлахъ этого замкнутаго въ экономиче-

скомъ отношеніи округа всѣ производительныя силы должны находиться въ равновѣсіи, иначе грозитъ катастрофа: отливъ земледѣльцевъ можетъ повести къ голоду и общей гибели, почему ихъ и необходимо прикрѣпить къ мѣсту. Когда съ XVI в. въ западноевропейскія страны начали переходить къ денежному хозяйству съ обширнымъ рынкомъ, тогда указанныя сейчасъ ограниченія стали вредны: напротивъ, нужда въ рабочихъ силахъ въ отдаленныхъ пунктахъ, необходимость бо́льшей подвижности производительныхъ силъ выступили на первый планъ, и крестьяне стали постепенно раскрѣпощаться, хотя процессъ раскрѣпощенія въ изучаемый періодъ еще не закончился. Точно такъ же стали слабѣть цеховыя гильдейскія ограниченія, тяготѣвшія надъ горожанами: обширный рынокъ и здѣсь выставилъ требованіе освобожденія.

Соціальныя отношенія въ Россіи съ половины XVI до половины XIX в. существенно отличались отъ западно-европейскихъ: правда, и здѣсь дворяне имѣли финансовыя и судебныя привилегіи и даже нѣкоторое время участвовали вмѣстѣ съ горожанами въ представительныхъ собраніяхъ — земскихъ соборахъ, но они пользовались своими правами лишь постольку, поскольку это было нужно для отбыванія повинности военной службы; горожане почти не имѣли самоуправленія и вмѣстѣ съ крестьянами подлежали тяглу, т.-е. платили весьма тяжелыя подати и отбывали чрезвычайно — обременительныя натуральныя повинности; наконецъ, крестьяне были прикрѣплены не къ землѣ, какъ на западѣ, а къ личности землевладѣльца, т.-е. послѣдній могъ ихъ переводить съ участка на участокъ, изъ одного имѣнія въ другое, и отчуждать ихъ безъ земли. Это было необходимо въ виду потребности въ переливахъ рабочей силы въ разной области при наличности денежнаго хозяйства съ обширнымъ рынкомъ. Однимъ словомъ, здѣсь весь общественный строй былъ основанъ на обязанности, сословія были сплошь крѣпостными, и освободительныя тенденціи начинаютъ сказываться только въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка. Рѣзкій переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, разсчитанному на обширный рынокъ былъ основной причиной такого крѣпостного сословнаго строя: безъ строгой и планомѣрной организаціи общественныхъ силъ такой переходъ былъ бы немыслимъ.

Итакъ, *въ третій періодъ классы и сословія рѣзко обособляются, при чемъ свободныя сословія преобладаютъ въ странахъ, переживающихъ сначала эпоху денежнаго хозяйства съ небольшимъ мѣстнымъ рынкомъ и потомъ уже переходящихъ къ работѣ на обширный сбытъ, а въ странахъ, сразу вынужденныхъ усвоить денежное хозяйство съ обширнымъ рынкомъ, слагаются сословія крѣпостныя.*

Совершившійся въ 60-хъ годахъ XVIII в. въ Англіи промышленный переворотъ, сводящійся къ сильнѣйшему развитію денежнаго хозяйства и къ быстрому росту фабричной промышленности и машиннаго производства, ознаменовалъ собою наступленіе четвертаго періода общественнаго развитія, потрясъ и разрушилъ до основанія старый сословный строй: крѣпостной рабочій былъ малоусерденъ и неискусенъ, потому что не получалъ награды за усердіе и искусство, не былъ заинтересованъ въ результатахъ своего труда, и потому былъ замѣненъ рабочимъ свободнымъ: крѣпостное право пало окончательно; при развитомъ денежномъ хозяйствѣ дѣло можетъ идти успѣшно лишь при томъ условіи, когда личность и собственность каждаго вполнѣ обезпечены, а это возможно только при равноправности, т.-е. при уничтоженіи сословнаго строя. Онъ послѣдовательно и былъ уничтоженъ въ Англіи XIX вѣка; достаточно напомнить въ этомъ отношеніи только о такихъ крупныхъ фактахъ, какъ предоставленіе полноты правъ католикамъ въ 1829 г., какъ парламентскія реформы 1832, 1867 и 80-хъ годовъ. Но не слѣдуетъ думать, что разрушеніе сословнаго строя составляетъ отличительную особенность странъ англійскаго типа, съ полнымъ господствомъ обрабатывающей промышленности: Франція — страна, гдѣ земледѣліе и обрабатывающая промышленность находятся въ приблизительномъ равновѣсіи, однако и здѣсь сословія въ XIX в. исчезли: гражданское равноправіе впервые проведено въ концѣ XVIII в., а равноправіе политическое стало совершившимся фактомъ послѣ 1848 года. Причина понятна: и во Франціи, какъ и въ Англіи, царитъ развитое денежное хозяйство, разсчитанное на міровой рынокъ. Но если сословность исчезла, то классовое расчлененіе въ четвертый періодъ достигло несравненно бо́льшей рѣзкости, чѣмъ прежде. И это понятно: вѣдь развитое денежное хозяйство обусловливаетъ необходимость раздѣленія труда, а систематически проведенное

раздѣленіе труда и означаетъ какъ разъ господство классоваго принципа, потому что классъ это — общественная группа, играющая опредѣленную спеціальную роль въ процессѣ производства и обмѣна хозяйственныхъ благъ. И классовыя противорѣчія чувствуются тѣмъ острѣе, что, какъ намъ извѣстно, въ это время всего ярче обозначаются контрасты въ распредѣленіи реальныхъ хозяйственныхъ благъ, имущественное неравенство.

Въ результатѣ мы можемъ формулировать слѣдующій общій законъ: *въ четвертый періодъ развитія общества падаютъ сословныя перегородки, и очень рѣзко выступаютъ классовыя различія.*

Пойдемъ теперь далѣе—въ сферу *государственныхъ политическихъ отношеній.* Напомню объ установленной уже нами связи государственнаго строя съ устройствомъ общества и хозяйственными порядками, а также и о томъ, что явленія государственной жизни дѣлятся на три группы: одну составляютъ средства управленія, другая касается цѣли государственнаго союза, третья характеризуетъ субъектъ власти.

Возьмемъ политическій строй германцевъ въ первые вѣка послѣ Р. Х. Существовали въ то время у нихъ сколько-нибудь сложившіяся, правильныя учрежденія, съ опредѣленными взаимоотношеніями, съ постояннымъ составомъ и точнымъ вѣдомствомъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только отрицательный: германское вѣче было безпорядочной сходкой всѣхъ свободныхъ, считавшейся законной независимо отъ числа собравшихся; дѣйствовало оно крайне—нерегулярно, порывами, случайно и безсистемно; еще меньше значенія постоянства и опредѣленности замѣчается въ совѣтѣ старѣйшинъ; столь же расплывчатой, несложившейся, колеблющейся въ своихъ основаніяхъ была власть королей и герцоговъ. Но самымъ яркимъ выраженіемъ политической неорганизованности древнихъ германцевъ надо считать дружину: первоначально это было простое временное соединеніе удальцовъ, выбиравшихъ себѣ храбраго вождя для того или другого единичнаго предпріятія,—набѣга на сосѣдей. Столь же неорганизованной и неясной, какъ и средство управленія, была у древнихъ германцевъ цѣль государственнаго союза. Говоря вообще, она заключалась въ личной выгодѣ правителей: дружина имѣла въ виду не какія-либо

общія задачи, а простое обогащеніе при набѣгѣ на сосѣдей; немногимъ больше общественныхъ элементовъ наблюдается и въ другихъ учрежденіяхъ древнихъ германцевъ. Наконецъ, и самое понятіе о субъектѣ власти отличалось примитивностью: носителемъ власти не былъ общественный союзъ какъ цѣлое, и король, герцогъ, совѣтъ старѣйшинъ и даже вѣче не являлись выразителями коллективной воли, представителями общества; власть принадлежала отдѣльнымъ лицамъ надъ такими же отдѣльными лицами. Это видно уже изъ того, что рѣшеніе вѣча становилось дѣйствительнымъ лишь тогда, когда оно постановлялось единогласно; логическимъ выходомъ изъ этого и въ вмѣстѣ съ тѣмъ яркимъ выраженіемъ принципа личной власти служитъ междуусобіе между партіями, составлявшими вѣче, и физическое насиліе надъ несогласно мыслящими. Когда каждый отдѣльный членъ общества не въ нарушеніе закона или обычая, а въ силу именно этого обычая имѣетъ право сопротивляться большинству, то этимъ своимъ сопротивленіемъ онъ какъ нельзя болѣе сильно подчеркиваетъ ту специфическую особенность государства, что оно покоится на началѣ личнаго господства.

Если мы теперь отъ древнихъ германцевъ обратимся къ древнѣйшей исторіи нашего отечества, то окажется, что, изучая политическій строй Россіи до конца XII в., мы въ сущности повторимъ въ другой обстановкѣ и съ нѣкоторыми несущественными варіаціями то, что было только что сказано. И древне-русское вѣче и боярскій совѣтъ не были организованными учрежденіями: дѣйствовали нерегулярно и непостоянно, собирались въ различномъ составѣ. Князь то проявлялъ большую энергію и развивалъ кипучую дѣятельность, то совершенно бездѣйствовалъ. Порядокъ наслѣдованія княжескихъ столовъ не установился: на ряду съ идеей старшинства въ родѣ проявлялась мысль о наслѣдованіи по прямой нисходящей линіи, отъ отца къ сыну; иногда князя выбирало вѣче; наконецъ, часто князья силой оружія добывали себѣ желанный столъ. Полная неорганизованность средствъ управленія выступаетъ такимъ образомъ не менѣе ясно, чѣмъ въ жизни древнихъ германцевъ. То-же приходится повторить о цѣли государственнаго союза: русскіе князья вели войны, главнымъ образомъ, изъ побужденій личной выгоды; на судъ они смотрѣли какъ на источникъ дохода. Наконецъ, сказанное о необходи-

мости единогласія на германскомъ вѣчѣ примѣнимо и къ русскому, что́ указываетъ на понятіе о личности какъ субъектѣ власти.

Можно взять любое общество, находящееся на той же ступени историческаго развитія,—напр., древнѣйшую Элладу или древнѣйшій Римъ,—и результаты получатся одинаковые; это и понятно: вѣдь неорганизованность средствъ управленія, личная узко-понятая выгода какъ цѣль государства и понятіе о личномъ господствѣ—все это является лишь отраженіемъ примитивныхъ хозяйственныхъ отношеній и соціальной аморфности общества. Мы въ правѣ, слѣдовательно, формулировать такой общій законъ: *въ первый періодъ своего развитія государство отличается неорганизованностью средствъ управленія, имѣетъ цѣлью грубо-понятую личную выгоду правителей, и власть въ немъ принадлежитъ каждой отдѣльной личности, взятой какъ таковая.*

Мы различали во второй періодъ экономическаго и соціальнаго развитія два типа общественныхъ союзовъ,—одинъ, отличавшійся въ хозяйственномъ отношеніи господствомъ внѣшней торговли въ высшихъ слояхъ общества и равновѣсіемъ между добывающей промышленностью и сельскимъ хозяйствомъ въ его низшихъ слояхъ, и другой, основной экономическій признакъ котораго состоитъ въ преобладаніи земледѣлія. Какъ намъ уже извѣстно, въ эту эпоху слагаются впервые классы, и даже намѣчаются сословія. И государственный союзъ отливается поэтому теперь въ формѣ болѣе опредѣленныя и прочныя. Такими формами надо признать для обществъ перваго типа муниципальную аристократическую республику, а для союзовъ второго типа—вотчинно-феодальное государство. Древній русскій Новгородъ, Аѳины и Спарта VII—VI вѣковъ до Р. Х., итальянскіе средневѣковые города, Ганза—вотъ примѣры общественныхъ союзовъ перваго типа: это—государства, города; или муниципальныя государства, въ которыхъ верховная власть принадлежитъ только гражданамъ державнаго города, это—аристократическія республики, потому что единоличныя власти обладаютъ въ нихъ лишь исполнительными функціями и получаютъ свои полномочія отъ народныхъ собраній, и эти собранія въ сущности подчиняются волѣ богатой аристократіи, органомъ которой является всегда особый правительствующій совѣтъ, диктующій въ сущности рѣшенія

народной сходкѣ. Средства управленія здѣсь организованы правильнѣе, чѣмъ прежде, хотя все еще не вполнѣ регулярно. Цѣлью общественнаго союза является уже въ значительной степени благо не лица, а группы лицъ—господствующей аристократіи. Мелькаетъ уже понятіе о принадлежности власти общественному союзу какъ цѣлому, но оно выражено еще очень слабо: принципъ единогласія на вѣчѣ обыкновенно еще сохраняется, что и служитъ выраженіемъ старой идеи личнаго господства. Если мы возьмемъ западно-европейскія страны ранняго средневѣковья или Россію съ XIII по XV в., то познакомимся ближе съ государственнымъ строемъ обществъ второго типа: власть принадлежитъ королю или князю на вотчинномъ правѣ, т.-е. разсматривается имъ какъ частная собственность, такъ что субъектомъ власти опять является отдѣльное лицо. Оно эксплуатируетъ эту власть въ личной своей выгодѣ, которую всегда ставитъ на первый планъ, по мѣткому древнерусскому выраженію: „своего прибытка смотритъ“. Въ сущности и въ муниципальномъ и въ вотчинномъ государствахъ, вообще въ обществахъ, переживающихъ вторую стадію своего развитія, главный успѣхъ сравнительно съ первымъ періодомъ наблюдается въ организаціи средствъ управленія: организуются лучше областныя учрежденія, потомъ слагаются и учрежденія центральныя. Характерна, конечно, и здѣсь нестройность, примитивность организаціи, а главное, власть долго остается въ вотчинныхъ государствахъ раздробленной: каждый землевладѣлецъ во многихъ отношеніяхъ является обладателемъ государственной власти въ своихъ владѣніяхъ,—напр., судитъ всѣхъ, живущихъ на его землѣ, и собираетъ съ нихъ подати; однимъ словомъ, образуется болѣе или менѣе законченный, смотря по мѣстнымъ условіямъ феодальный порядокъ.

Итакъ, *во второй періодъ средства управленія начинаютъ до нѣкоторой степени преобразовываться, но мало перемѣнъ наблюдается въ понятіяхъ о цѣли государственнаго союза и о субъектѣ власти; слагаются два типа политическихъ союзовъ,—муниципально-аристократическая республика и вотчинно-феодальное княжество или королевство.*

Представительницей одного изъ типовъ государственнаго развитія въ третій періодъ является Россія съ половины XVI до половины XIX в. Мы знаемъ, что въ экономиче-

скомъ отношеніи это было для нашего отечества время, когда оно пережило серьезный переломъ,—переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному и притомъ разсчитанному на довольно обширный рынокъ. Этотъ переходъ, весьма трудный и сопряженный съ большимъ напряженіемъ народныхъ силъ, вызываетъ необходимость не только знакомой намъ крѣпостной организаціи общества, но и сильной единоличной власти, которая могла бы организовать все общество въ прочное цѣлое. Извѣстно, что именно въ это время и опредѣляется самодержавная власть московскихъ царей, а затѣмъ всероссійскихъ императоровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ правильнѣе организуются средства управленія: на смѣну старинныхъ намѣстниковъ появляются воеводы, потомъ губернаторы, наконецъ, сложная сѣть губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій; въ центрѣ слагаются приказы, преобразующіеся потомъ въ коллегіи при Петрѣ Великомъ, а при Александрѣ I на смѣну коллегіямъ выступаютъ министерства. Наконецъ, въ верховномъ управленіи бо̀льшая опредѣленность вѣдомства и постоянство состава сказываются въ постепенномъ переходѣ отъ боярской думы и сената съ ихъ всеобъемлющей компетенціей къ системѣ высшихъ учрежденій, состоящей изъ сената, комитета министровъ и государственнаго совѣта. Конечно, и эти учрежденія не осуществили вполнѣ идеальнаго устройства средствъ управленія, но извѣстныя тенденціи сказались ясно и даже выразились въ значительной степени на дѣлѣ. Цѣлью государственнаго союза теперь сознательно ставится общее благо: московскіе государи говорятъ о „государевомъ и земскомъ дѣлѣ“, общее благоденствіе какъ цѣль правительственной дѣятельности постоянно проводится въ указахъ Петра и его преемниковъ. Московскіе государи нерѣдко еще являлись выразителями старинаго вотчиннаго принципа, разсматривали государство какъ свою частную собственность, но съ Петра ясно намѣчается идея о томъ, что государь—первый слуга государства, а позднѣе строго различается личная собственность государя, удѣльныя земли, собственность государства, доходы съ которой идутъ только на содержаніе императорской фамиліи, и государственныя имущества, которыя пополняютъ средства государственнаго казначейства.

Общественные союзы второго типа, существующаго въ

третій періодъ, характеризуются въ экономическомъ отношеніи переходомъ къ денежному хозяйству не сразу съ обширнымъ рынкомъ, а сначала съ небольшимъ мѣстнымъ, отъ котораго лишь потомъ, путемъ постепеннаго расширенія сбыта, происходитъ міровое денежное хозяйство, имѣющее въ виду заграничные, иногда очень отдаленные рынки. Въ этомъ процессѣ нѣтъ рѣзкихъ контрастовъ, переломовъ, катастрофъ, чрезвычайныхъ усилій. Господствуютъ нюансы, едва замѣтные оттѣнки, постепенные переливы. Понятно, что и крѣпостныя соціальныя отношенія при этомъ организовались слабѣе. Не было также нужды и въ подавляющемъ авторитетѣ сверху; напротивъ, свободное взаимодѣйствіе постепенно развивавшихся общественныхъ силъ было выгоднѣе и плодотворнѣе. И потому оно нашло себѣ выраженіе въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ процессъ экономической эволюціи совершался съ наибольшей постепенностью, безъ скачковъ и переломовъ. Такова и была Англія съ ея парламентскимъ строемъ и принципомъ самоуправленія. Не такъ ровно и постепенно, съ бо́льшими бурями совершалось экономическое и особенно соціальное развитіе Франціи, и потому здѣсь въ XVII особенно вѣкѣ сложилась прочно и обрисовалась весьма рельефно абсолютная власть королей. И эти короли долго не могли отрѣшиться отъ взгляда на свою монархію какъ личную собственность,—вспомнимъ, напр., знаменитое изреченіе Людовика XIV: „государство—это я“, и безцеремонное пользованіе королей государственными средствами для своихъ личныхъ цѣлей,—однако они не были чужды и идеѣ о своей дѣятельности какъ общественномъ служеніи. А интенданты и министры, особенно въ XVIII столѣтіи, не только на словахъ, а иногда и на дѣлѣ, стремились къ общему благу. Я уже имѣлъ случай указать на то, какъ организовался административный механизмъ старой французской монархіи, какъ появились финансовыя присутствія, генералъ-губернаторы, интенданты, затѣмъ шесть министровъ и королевскій совѣтъ.

Въ результатѣ анализа приведенныхъ сейчасъ конкретныхъ примѣровъ получается слѣдующая общая формула: *въ третій періодъ организуются довольно правильно средства управленія, больше выступаетъ въ государственной дѣятельности цѣль общаго блага, и начинаетъ блѣднѣть вотчинный принципъ въ понятіи о субъектѣ власти, заслоняемый посте-*

пенно идей о государѣ какъ представителѣ всего общественнаго союза; при этомъ слагаются два типа политическихъ союзовъ: самодержавная монархія и парламентское государство.

Новыя хозяйственныя условія и новыя сочетанія общественныхъ силъ производятъ, наконецъ, неотвратимое и могущественное вліяніе на государственное развитіе четвертаго періода. Можно вообще сказать, что *этотъ періодъ характеризуется организаціей правильныхъ и стройныхъ учрежденій, усвоеніемъ идеи общаго блага какъ цѣли общественнаго союза и понятіемъ о носителѣ верховной власти какъ представителѣ всего союза.* Въ самомъ дѣлѣ, справедливость этого закона выступитъ для насъ съ совершенною ясностью, если мы присмотримся хотя бы къ организаціи средствъ управленія въ современномъ правовомъ государствѣ: здѣсь строго различаются учрежденія верховныя и подчиненныя—центральныя и областныя. Взаимныя отношенія между ними регулированы закономъ. Всѣ эти учрежденія имѣютъ постоянный составъ, опредѣленное вѣдомство и дѣйствуютъ совершенно самостоятельно въ предѣлахъ ихъ компетенціи. Принципіально едва ли можно желать чего-либо бо́льшаго въ сферѣ организаціи средствъ управленія. Цѣлью современнаго правоваго государства все болѣе является подъ вліяніемъ извѣстнаго сочетанія общественныхъ силъ общее благо. Государственное страхованіе жизни и увѣчій, фабричное законодательство, страхованіе безработицы, намѣчаемая все болѣе организація помощи престарѣлымъ изъ числа трудящагося населенія—все это является выраженіемъ именно такого принципа. То-же легко подмѣтить и въ господствѣ закона и законности, не знающихъ „на лица зрѣнія“, имѣющихъ въ виду одну только справедливость. Наконецъ, всякій, сознательно относящійся къ современной европейской дѣйствительности, легко пойметъ, къ чему сводятся перемѣны и въ понятіи о субъектѣ или носителѣ власти въ настоящее время.

Итоги произведеннаго нами сейчасъ изслѣдованія сводятся такимъ образомъ къ слѣдующимъ общимъ формуламъ, только что нами выведеннымъ и теперь повторяемымъ лишь въ интересахъ бо́льшей ясности и систематичности изложенія:

1) Первый періодъ соціальнаго развитія характеризуется неорганизованностью общества, отсутствіемъ сословій и классовъ.

2) Образованіе классовъ и сословій, хотя и не вполнѣ законченныхъ и организованныхъ, составляетъ отличительную черту второго періода общественнаго развитія.

3) Въ третій періодъ классы и сословія рѣзко обособляются, причемъ свободныя сословія преобладаютъ въ странахъ, переживающихъ сначала эпоху денежнаго хозяйства съ небольшимъ мѣстнымъ рынкомъ и потомъ уже переходящихъ къ работѣ на обширный сбытъ, а въ странахъ, сразу вынужденныхъ усвоить денежное хозяйство съ обширнымъ рынкомъ, слагаются сословія крѣпостныя.

4) Въ четвертый періодъ развитія общества падаютъ сословныя перегородки, и очень рѣзко выступаютъ классовыя различія.

5) Въ первый періодъ своего развитія государство отличается неорганизованностью средствъ управленія, имѣетъ цѣлью грубо-понятую личную выгоду правителей, и власть въ немъ принадлежитъ каждой отдѣльной личности, взятой изолированно.

6) Во второй періодъ средства управленія начинаютъ до нѣкоторой степени преобразовываться, но мало перемѣнъ наблюдается въ понятіяхъ о цѣли государственнаго союза и о субъектѣ власти; слагаются два типа политическихъ союзовъ, — муниципально-аристократическая республика и вотчинно-феодальное княжество или королевство.

7) Въ третій періодъ организуются довольно-правильно средства управленія, больше выступаетъ въ государственной дѣятельности цѣль общаго блага, и начинаетъ блѣднѣть вотчинный принципъ въ понятіи о субъектѣ власти, заслоняемый постепенно идеей о государѣ какъ представителѣ всего общественнаго союза; при этомъ слагаются два типа политическихъ союзовъ—самодержавная монархія и парламентское государство.

8) Четвертый періодъ характеризуется организаціей правильныхъ и стройныхъ учрежденій, усвоеніемъ идеи общаго блага какъ цѣли общественнаго союза и понятіемъ о носителѣ верховной власти какъ представителѣ всего союза.

Таковы основные законы соціальной динамики въ отношеніи къ развитію явленій общественнаго строя и устройства государства. Чтобы закончить разрѣшеніе нашей

задачи, намъ остается формулировать общіе законы развитія психологической жизни общества.

VI.

Мы должны теперь припомнить тѣ общіе выводы, которые получены были въ свое время при изученіи психологической жизни общества съ точки зрѣнія соціальной статики. Эти выводы слѣдующіе: 1) нравы и обычаи, религія, искусство и литература, наука и философія опредѣляются всецѣло психологическимъ складомъ общества, тѣми типами или характерами, которые съ особенной силой и яркостью это общество отличаютъ; 2) психологическій складъ общества, т.-е. существующіе въ обществѣ типы или характеры, слагается подъ воздѣйствіемъ хозяйственныхъ явленій, устройства общества и государственнаго строя.

Взявъ за исходный пунктъ дальнѣйшаго изслѣдованія это послѣднее, второе положеніе и припомнивъ экономическія, соціальныя и политическія особенности перваго періода общественнаго развитія, мы легко можемъ понять и общественно-психологическій складъ того времени. Въ самомъ дѣлѣ, тогда господствовала добывающая промышленность, не было еще прочныхъ, осѣдлыхъ отношеній къ землѣ, техника производства не была выработана; въ то-же время общество отличалось аморфностью, почти полнымъ отсутствіемъ классовыхъ и тѣмъ болѣе сословныхъ отличій, государственный союзъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ совершенно не организованъ. Главная черта всѣхъ реальныхъ житейскихъ отношеній того времени—это безпорядочность, нескладность, безсистемность, безсвязность. Представьте себѣ теперь человѣка, который каждый день подвергается воздѣйствію этой „разсыпанной храмины“ противорѣчивыхъ, безсвязныхъ условій, не находя въ себѣ въ силу своей первобытной некультурности никакихъ регулирующихъ и направляющихъ началъ. Откуда было взять этому человѣку систему и порядокъ для своей душевной природы, для приведенія въ связь отдѣльныхъ чувствованій, мыслей, желаній, дѣйствій, когда окружающая дѣйствительность ни

одной своей чертой не внушала ему впечатлѣнія стройности и связности? Въ результатѣ получилась натура импульсивная и непослѣдовательная, безъ всякихъ сколько-нибудь сложившихся, прочныхъ взглядовъ, убѣжденій и навыковъ, неспособная противостоять ни одному внѣшнему впечатлѣнію, непосредственно и всецѣло подчинявшаяся ему и допускавшая поэтому постоянныя противорѣчія въ способѣ и направленіи своихъ дѣйствій, получался, однимъ словомъ, не характеръ, не типъ, а нестройный конгломератъ разныхъ свойствъ, первоначальный хаосъ, способный выдѣлить изъ себя въ будущемъ всякіе элементы духовнаго существованія. Человѣкъ того времени не былъ ни добръ, ни золъ, ни уменъ, ни неразуменъ, ни слабъ характеромъ, ни силенъ волей: онъ былъ то добрымъ, то злымъ, то умнымъ, то ограниченнымъ, то дѣятельнымъ, то инертнымъ— смотря по обстоятельствамъ, въ данную минуту дѣйствовавшимъ на его психику. И наблюденія надъ исторической дѣйствительностью вполнѣ оправдываютъ эту психологическую характеристику. Подъ нее подходитъ, напр., Хлодвигъ, король франковъ: онъ былъ уменъ, но и дѣтски-наивенъ и суевѣренъ, щедръ и нерѣдко добръ, но и мстителенъ: при раздѣлѣ добычи король долженъ былъ уступить одному воину понравившуюся самому ему чашу, но не забылъ этого: онъ придрался къ этому воину спустя нѣкоторое время во время военнаго смотра и убилъ его собственноручно. Понятно, что при духовной нескладицѣ чаще всего брали верхъ элементарные грубые инстинкты, и яркой картиной этого была кровавая, преисполненная ужасовъ, злодѣяній, кровосмѣшеній борьба сыновей Хлодвига, въ которой особенно видную роль играли жены двухъ изъ нихъ, Брунегильда и Фредегонда. И нашъ Владимиръ Мономахъ въ сущности недалеко ушелъ отъ Хлодвига: и въ его натурѣ были добрые зачатки, онъ оказалъ большія услуги родинѣ борьбой съ половцами, но онъ же, взявъ русскій городъ Минскъ, вырѣзалъ все его населеніе и, не гнушаясь иногда средствами, отбиралъ у другихъ князей владѣнія, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ къ концу жизни $^3/_4$ Россіи того времени.

Такая психологическая безформенность общества въ первый періодъ его развитія отражается на всѣхъ проявленіяхъ духовной жизни. Религіозныя чувства отличались, напр., господствомъ грубыхъ суевѣрій, и хотя франки при

Хлодвигѣ и русскіе при Владимирѣ Святомъ приняли христіанство, но они сдѣлались христіанами только по имени, не въ состояніи были проникнуться духомъ новой религіи, немногіе усвоенные ими элементы которой, по преимуществу внѣшніе, обрядовые, сочетались очень своеобразно и часто безпорядочно съ остатками язычества, такъ что по всей справедливости можно характеризовать религіозное состояніе общества изучаемаго времени терминомъ „двоевѣріе“. Искусство и литература также отличались тою чертой, что представляли собою рядъ механическихъ заимствованій болѣе культурныхъ образцовъ безъ всякой почти ихъ переработки: для франковъ и другихъ германскихъ племенъ образцы были даны по преимуществу римской культурой, для русскихъ—византійской. Нечего и говорить о примитивности, ограниченности и безсистемности научныхъ знаній: въ этомъ ни у кого не можетъ быть сомнѣнія.

Итакъ, *въ первый періодъ развитія въ обществѣ нѣтъ сложившихся, цѣльныхъ характеровъ, и соотвѣтственно этому всѣ проявленія духовной культуры носятъ на себѣ печать механическаго заимствованія у болѣе культурныхъ народовъ не сопровождающагося сколько-нибудь систематической переработкой заимствуемаго.*

Изученіе основныхъ законовъ психологическаго развитія общества во второй періодъ значительно облегчено для насъ тѣмъ обстоятельствомъ, что относящійся сюда конкретный матеріалъ былъ уже отчасти нами использованъ при соціально-статическомъ изслѣдованіи вопроса. Теперь остается только о немъ напомнить.

Мы видѣли тогда, что въ эту эпоху слагаются болѣе опредѣленные и стройные характеры,—именно выдѣляются съ одной стороны эгоисты, съ другой—религіозно-созерцательныя натуры, при чемъ побѣда остается на сторонѣ первыхъ. Наблюдали мы также и отраженіе всего этого въ религіи, искусствѣ, литературѣ и наукѣ и констатировали неразрывную связь явленій духовной культуры съ господствомъ земледѣлія при сохраненіи натуральнаго хозяйства и съ феодальнымъ строемъ общества. Теперь надо къ этому прибавить, что такими же въ общемъ чертами слѣдуетъ характеризовать и психологическій складъ обществъ другого типа,—тѣхъ, въ которыхъ болѣе видную роль играетъ внѣшняя торговля, выдвигается на первый планъ богатая

аристократія, и политическій строй пріобрѣтаетъ характеръ республиканской олигархіи: и здѣсь, какъ въ Новгородѣ, Псковѣ, Ганзѣ, итальянскихъ городахъ, эгоисты задаютъ основной тонъ, встрѣчая противодѣйствіе въ религіозныхъ характерахъ. Этимъ однако же не исключается нѣкоторое своеобразіе: въ муниципально-аристократическихъ республикахъ начинаетъ постепенно пробиваться наружу еще одна новая психическая струя: далекія путешествія съ торговыми и промышленными цѣлями, опасности и приключенія, невѣдомыя наслажденія и новыя впечатлѣнія развиваютъ удаль, жажду новизны, предпріимчивость, энергію, пріучаютъ человѣка ставить свою личность на первый планъ, развиваютъ властность, къ тому же приводитъ и оживленная правительственная дѣятельность; въ результатѣ начинаетъ слагаться типъ индивидуалиста, совершенно почти чуждаго низшихъ эгоистическихъ чувствъ—страха и любостяжанія,—руководящагося главнымъ образомъ въ своей дѣятельности развитымъ чувствомъ собственнаго достоинства, властолюбіемъ, честолюбіемъ, жеждой новыхъ впечатлѣній,—однимъ словомъ, болѣе сложными эгоистическими чувствами, которыя удобнѣе всего назвать чувствами индивидуалистическими. Такова знаменитая Марфа Борецкая. Новгородская народная поэзія также отразила этотъ типъ въ его различныхъ разновидностяхъ въ былинахъ о Чурилѣ Пленковичѣ, Васильѣ Буслаевичѣ и Садко-богатомъ гостѣ. Если теперь ко всему, сейчасъ сказанному, прибавить, что психологическія новообразованія наблюдаются въ меньшинствѣ общества, главнымъ образомъ въ соціальныхъ его верхахъ, масса же общества попрежнему остается психологически-неорганизованной, то можно будетъ свести психологическое состояніе общества во второй періодъ къ слѣдующей формулѣ: *При продолжающейся духовной безформенности массы во второй періодъ выдѣляются постепенно эгоисты, пріобрѣтающіе господство, религіозныя натуры и отчасти индивидуалисты; вслѣдствіе этого начинается оригинальная переработка религіозныхъ художественныхъ, литературныхъ и въ меньшей степени научныхъ преданій прошлаго.*

Въ третій періодъ начинается развитіе денежнаго хозяйства, которымъ создается важный залогъ психологической дифференціаціи общества—раздѣленіе труда: различіе въ занятіяхъ, несомнѣнно, увеличиваетъ и различія въ духовномъ

складѣ лицъ, имъ себя посвящающихъ. Притомъ же оживленіе товарнаго обращенія, торговыхъ сношеній создаетъ необходимость частыхъ и большихъ переѣздовъ, откуда происходитъ богатство впечатлѣній, прежде небывалое, расширеніе умственныхъ горизонтовъ, ростъ энергіи, общеніе съ разнообразными людьми. Усложненіе формъ хозяйства и его техники также даетъ толчокъ къ дальнѣйшему духовному развитію. Разнообразіе психическихъ организацій стоитъ, наконецъ, въ близкой связи и съ расчлененіемъ общества на рѣзко-обозначенные классы и сословія и съ организаціей государства, создающаго сложную сѣть различныхъ учрежденій. Первымъ замѣтнымъ послѣдствіемъ новыхъ житейскихъ условій въ области духовной культуры является разложеніе безформенной прежде народной массы, выдѣленіе изъ нея сложившихся характеровъ. Въ Россіи XVI, XVII и XVIII вѣковъ можно назвать для доказательства этого такихъ выдающихся людей, какъ Ѳеодосій Косой, Аввакумъ, Никонъ, Посошковъ, Меньшиковъ. Въ Римѣ образцомъ можетъ служить Марій, въ Германіи—Лютеръ, во Франціи—Кальвинъ, Мольеръ и т. д.

Затѣмъ увеличивается число различныхъ типовъ, существующихъ въ обществѣ: къ эгоистамъ, религіозно созерцательнымъ натурамъ и индивидуалистамъ присоединяются религіозно активныя натуры, какими являются, напр., расколоучители, сектанты и церковные реформаторы, эстетики, для которыхъ красота и чувство красоты—основная духовная стихія—таковы, напр., великіе художники Возрожденія,—чисто-этическія натуры съ стремленіемъ къ нравственному совершенствованію, нашедшіе себѣ для начала XIX в. у насъ въ Россіи художественное выраженіе въ характерѣ Пьера Безухова въ романѣ Толстого „Война и міръ“, характеры двойственные, сочетающіе жажду новизны, чувство собственнаго достоинства, честолюбіе—словомъ, индивидуалистическія чувства съ чувствами этическими,—со стремленіемъ къ нравственному идеалу и общему благу; это—этическіе индивидуалисты, каковъ, напр., Петръ Великій; наконецъ, впервые намѣчаются аналитическіе характеры, у которыхъ дѣятельность ума стоитъ на первомъ планѣ: Кантъ—лучшій представитель такого типа. При всемъ томъ однако, несмотря на всю новизну и многообразіе этихъ явленій, господство попрежнему остается за

эгоистами, хотя, конечно, степень этого господства уменьшается.

Нужно ли доказывать, что вслѣдствіе этихъ существенныхъ перемѣнъ въ психологическомъ складѣ общества измѣнились и религія, и искусства, и литература, и наука? Это ясно и безъ дальнѣйшихъ доказательствъ, стоитъ только назвать реформацію и послѣдующія религіозныя движенія, итальянское, нѣмецкое, французское, испанское и голландское искусство XVI, XVII и XVIII вѣковъ такихъ писателей, какъ Шекспиръ, Мильтонъ, Свифтъ, Рабле, Корнель, Расинъ, Мольеръ, Макіавелли, Гете, Шиллеръ и т. д., ученыхъ и философовъ, какъ Коперникъ, Декартъ, Спиноза, Лейбницъ, Бэконъ.

Слѣдовательно, *третій періодъ ознаменовывается образованіемъ чрезвычайно разнообразныхъ типовъ или характеровъ, проникающихъ и въ народныя массы, и развитіемъ оригинальности и разнообразія въ религіи, искусствѣ, литературѣ, наукѣ и философіи; господствующимъ типомъ, хотя и въ меньшей мѣрѣ, остается все-таки еще эгоистъ.*

Наконецъ, *въ четвертый періодъ черты психологическаго развитія общества, столь ясно выразившіяся въ предыдущую эпоху, выступаютъ на видъ съ еще бо́льшею яркостью, но преобладающее вліяніе переходитъ мало-по-малу къ индивидуалистамъ и этическимъ индивидуалистамъ.* Въ самомъ дѣлѣ: оригинальное творчество во всѣхъ сферахъ духовной жизни,—въ религіи, искусствѣ, литературѣ, наукѣ, философіи,—составляетъ, несомнѣнно, одинъ изъ отличительныхъ признаковъ новѣйшаго времени. Что еще важнѣе,—культурные запросы становятся все болѣе настоятельными и предъявляются изъ такихъ слоевъ общества, отъ которыхъ прежде нельзя было ожидать ничего подобнаго. Возможность вступать въ живое общеніе со всѣми разнообразными людьми міра, осуществившаяся въ широкихъ размѣрахъ вслѣдствіе развитія путей сообщенія, печатнаго слова, телеграфовъ и телефоновъ, усложнила и увеличила до безконечности ту сумму внѣшнихъ вліяній и впечатлѣній, какою запасается человѣческая личность. Это повело къ дальнѣйшей и еще болѣе рѣзкой психологической дифференціаціи, вызываемой также классовыми противорѣчіями и разнообразіемъ и сложностью условій государственной жизни. Новыя хозяйственныя, соціальныя и политическія условія не даютъ уже

однако прежняго простора и не сулятъ блестящаго успѣха тѣмъ, кто думаетъ и можетъ добиться его одной осторожностью, трусостью, коварствомъ и жадностью; теперь необходимы смѣлость, энергія, предпріимчивость, честолюбіе, часто также преданность дѣлу, высота одушевленія, энтузіазмъ, богатство идеями. Этихъ свойствъ нѣтъ у эгоистовъ, которые и оттѣсняются поэтому на второй планъ индивидуалистами и этическими индивидуалистами. Такія крупныя личности, какъ Наполеонъ, Бисмаркъ, Чемберлэнъ,—вотъ типическіе индивидуалисты, и секретъ ихъ успѣха заключается, конечно, въ соотвѣтствіи ихъ духовнаго облика потребностямъ и условіямъ времени. Съ ними дѣлятъ успѣхъ люди въ родѣ Гладстона, для которыхъ и личные запросы и общественные и нравственные идеалы имѣютъ одинаковую цѣнность, которые соединяютъ въ одно гармоническое цѣлое личныя свои стремленія съ общественными задачами.

Въ дополненіе къ формулированнымъ раньше 12-ти основнымъ законамъ соціальной статики у насъ получились еще 16 законовъ соціальной динамики. Необходимо теперь въ интересахъ цѣльности впечатлѣнія припомнить еще разъ эти 16 законовъ, но удобнѣе сдѣлать это въ нѣсколько иной связи, чѣмъ раньше: вѣдь въ сущности предшествующее изложеніе убѣдило насъ, что въ исторіи каждаго общества можно различать четыре основныхъ періода, и для каждаго изъ нихъ мы вывели особую формулу для экономическихъ отношеній, соціальнаго строя, государственнаго устройства и духовной культуры. Такъ какъ однако же въ каждомъ періодѣ всѣ эти четыре стороны общественной жизни находятся въ неразрывной связи, то мы и формулируемъ для каждаго періода вмѣстѣ всѣ его особенности—и экономическія, и соціальныя, и политическія, и психологическія. Раньше мы наблюдали эволюцію отдѣльныхъ элементовъ общежитія въ разные періоды, теперь, лишь комбинируя иначе тѣ-же выводы, мы будемъ наблюдать всѣ элементы общежитія вмѣстѣ въ каждый періодъ. Основные законы соціальной динамики примутъ при такомъ способѣ изложенія слѣдующій видъ:

1) Первый періодъ развитія каждаго общества отличается въ хозяйственномъ отношеніи преобладаніемъ добывающей промышленности и первобытнаго скотоводства при сохраненіи натуральнаго хозяйства, господствомъ вольнаго или

захватнаго землевладѣнія, домашней формы хозяйства, крайне-экстенсивной техники, низкимъ уровнемъ земельной ренты, заработной платы и государственныхъ налоговъ при чрезвычайной высотѣ процента на капиталъ и сравнительно-равномѣрномъ распредѣленіи реальныхъ хозяйственныхъ благъ между отдѣльными группами населенія.

2) Въ соціальномъ отношеніи первый періодъ характеризуется неорганизованностью общества, отсутствіемъ сословій и классовъ.

3) Въ то же время государство отличается неорганизованностью средствъ управленія, имѣетъ цѣлью грубо-понятую личную выгоду правителей, и власть въ немъ принадлежитъ каждой отдѣльной личности, взятой изолированно.

4) Наконецъ, съ психологической точки зрѣнія въ первый періодъ развитія въ обществѣ нѣтъ сложившихся, цѣльныхъ характеровъ, и соотвѣтственно этому всѣ проявленія духовной культуры носятъ на себѣ печать механическаго заимствованія у болѣе культурныхъ народовъ, не сопровождающагося сколько-нибудь систематической переработкой заимствуемаго.

5) Во второй періодъ въ экономической жизни сохраняется натуральное хозяйство, но въ однѣхъ странахъ преобладаетъ въ высшихъ классахъ общества внѣшняя торговля, въ низшихъ же сельское хозяйство и добывающая промышленность находятся въ равновѣсіи, а въ другихъ странахъ земледѣліе одерживаетъ полную побѣду; при этомъ крестьянство обезземеливается, и образуются формы условнаго и временнаго землевладѣнія, форма хозяйства въ общемъ остается домашней, техника лишь нѣсколько улучшается, повышаются рента, заработная плата, государственные налоги, дешевѣетъ капиталъ, и, наконецъ, впервые намѣчаются контрасты въ распредѣленіи реальныхъ хозяйственныхъ благъ между отдѣльными слоями общества.

6) Въ соціальномъ отношеніи отличительную черту второго періода составляетъ образованіе классовъ и сословій, хотя и не вполнѣ законченныхъ.

7) Въ то-же время средства управленія начинаютъ до нѣкоторой степени преобразовываться, но мало перемѣнъ наблюдается въ понятіяхъ о цѣли государственнаго союза и о субъектѣ власти; слагаются два типа политическихъ

союзовъ—муниципально-аристократическая республика и вотчинно-феодальное княжество или королевство.

8) Въ психологическомъ отношеніи при продолжающейся духовной безформенности массы, во второй періодъ выдѣляются постепенно уже и сложившіеся характеры,—эгоисты, пріобрѣтающіе господство, религіозныя натуры и отчасти индивидуалисты; вслѣдствіе этого начинается оригинальная переработка религіозныхъ, художественныхъ, литературныхъ и, въ меньшей степени, научныхъ преданій прошлаго.

9) Отличительными чертами третьяго періода въ экономическомъ отношеніи являются зарожденіе и первоначальное развитіе денежнаго хозяйства, при сохраняющемся преобладаніи земледѣлія, сословная полусвободная земельная собственность, крѣпостная форма хозяйства, трехполье въ области техники земледѣльческаго производства, дальнѣйшее повышеніе ренты, заработной платы и налоговъ при пониженіи процента на капиталъ и развитіе пауперизма.

10) Классы и сословія въ это время рѣзко обособляются, причемъ свободныя сословія преобладаютъ въ странахъ, переживающихъ сначала эпоху денежнаго хозяйства съ небольшимъ мѣстнымъ рынкомъ и потомъ уже переходящихъ къ работѣ на обширный сбытъ, а въ странахъ, сразу вынужденныхъ усвоить денежное хозяйство съ обширнымъ рынкомъ, слагаются сословія крѣпостныя.

11) Въ политическомъ отношеніи въ третій періодъ организуются довольно—правильныя средства управленія, больше выступаетъ въ государственной дѣятельности цѣль общаго блага, и начинаетъ блѣднѣть вотчинный принципъ въ понятіи о субъектѣ власти, заслоняемый постепенно идеей о государѣ какъ представителѣ всего общественнаго союза; при этомъ слагаются два типа политическихъ союзовъ — самодержавная монархія и парламентское государство.

12) Въ отношеніи духовной культуры третій періодъ ознаменовывается образованіемъ чрезвычайно разнообразныхъ типовъ или характеровъ, проникающихъ и въ народныя массы, и разнообразія въ религіи, искусствѣ, литературѣ, наукѣ и философіи; господствующимъ типомъ, хотя и въ меньшей мѣрѣ, остается все-таки еще эгоистъ.

13) Наконецъ, четвертый періодъ въ экономической сферѣ характеризуется полнымъ расцвѣтомъ денежнаго хозяйства при рѣшительномъ преобладаніи обрабатывающей промыш-

лепности въ однѣхъ странахъ и равновѣсіи ея съ земледѣліемъ другихъ, торжествомъ свободныхъ формъ землевладѣнія, вольнонаемнаго труда, интенсивной техники хозяйства, быстрымъ ростомъ земельной ренты, заработной платы и налоговъ, чрезвычайнымъ пониженіемъ процента на капиталъ и продолжающимся пауперизмомъ, при чемъ обнаруживается тенденція къ бо̀льшему обложенію крупныхъ доходовъ въ пользу государства.

14) Въ соціальномъ строѣ падаютъ сословныя перегородки, и очень рѣзко выступаютъ классовыя различія.

15) Въ политическомъ отношеніи четвертый періодъ характеризуется организаціей правильныхъ и стройныхъ учрежденій, усвоеніемъ идеи общаго блага какъ цѣли общественнаго союза и понятіемъ о носителѣ верховной власти какъ представителѣ всего союза.

16) Разнообразіе типовъ или характеровъ, оригинальность и многообразіе всѣхъ проявленій духовной культуры и преобладаніе индивидуалистовъ и этическихъ индивидуалистовъ составляютъ отличительные признаки четвертаго періода въ психологическомъ отношеніи.

Въ предшествующемъ изложеніи мы занимались изученіемъ основныхъ законовъ существованія и развитія здороваго общества, полнаго жизненныхъ силъ и энергіи. Но и общество, какъ и личность, можетъ быть также больнымъ. Болѣзни его бываютъ двухъ родовъ: однѣ—временныя, преходящія, болѣзни роста, кризисы и переломы, происходящіе отъ временныхъ замѣшательствъ и затрудненій при переходѣ отъ одного періода къ другому,—таковы революціи и всякого рода смутныя времена; съ этими недугами сильное общество легко справляется; другія болѣзни принадлежатъ къ числу конституціональныхъ разстройствъ, показывающихъ, что данное общество не можетъ собственными средствами справиться съ выпадающей на его долю задачей, и потому приводящихъ въ концѣ концовъ къ поглощенію его другими общественными союзами: такъ, древній Новгородъ не могъ перейти къ денежному хозяйству, не слившись съ центральной Россіей, и потому погибъ; то-же произошло съ Аѳинской державой въ IV вѣкѣ до Р. Х., съ Польшей въ XVIII столѣтіи и т. д. Конечно, изученіе этой общественной патологіи имѣетъ большой научный и практическій интересъ, но теперь мы не можемъ останавливаться на

немъ,—это дѣло спеціальнаго изслѣдованія,—и я ограничусь сдѣланнымъ сейчасъ общимъ указаніемъ.

Схема общественнаго развитія, нами полученная, снята съ исторической дѣйствительности, отражаетъ на себѣ прошлое человѣческихъ обществъ. Но она имѣетъ также, несомнѣнно, отношеніе и къ будущему, притомъ въ двоякомъ смыслѣ: во-первыхъ, она открываетъ возможность извѣстнаго прогноза, предвидѣнія будущаго, во-вторыхъ, доставляетъ средства для опредѣленія здоровыхъ пріемовъ практической общественной дѣятельности, даетъ возможность построить систему научной политики. Эта вторая задача не только отличается высокой важностью, но и необычайно—сложна, почему требуетъ особаго изученія. Сейчасъ мы можемъ только, опираясь на предшествующее изложеніе, намѣтить общій методъ ея разрѣшенія: чтобы понять очередныя задачи политики, необходимо тщательно опредѣлить на основаніи законовъ соціальной динамики тотъ періодъ, какой переживаетъ данная страна, выяснить такимъ образомъ, какія общественныя формы имѣютъ въ ней будущность и найти конкретные пріемы и средства къ облегченію появленія на свѣтъ этихъ формъ.

Большія трудности представляетъ и предсказаніе будущаго для болѣе культурныхъ странъ: здѣсь передъ народами открывается, очевидно, большой просторъ для оригинальнаго творчества, подробности котораго предвидѣть невозможно. Но я думаю, что изслѣдованные нами законы общежитія, особенно законы соціальной динамики, все-таки позволяютъ набросать общую картину сравнительно не очень далекаго будущаго. Въ экономическомъ отношеніи на долю этого будущаго культурныхъ странъ, несомнѣнно, выпадетъ задача уничтоженія недостатковъ хозяйственнаго строя четвертаго періода, главнымъ образомъ неприспособленности производства хозяйственныхъ благъ къ ихъ обмѣну и распредѣленію; въ самое производство внесено будетъ больше планомѣрности, оно поставлено будетъ такимъ образомъ на истинно общественную основу. Въ соціальномъ и государственномъ отношеніяхъ равенство, справедливость и законность найдутъ себѣ полное осуществленіе и завершеніе; перспектива заключается здѣсь—въ завершеніи организаціи власти на основѣ закона, такъ, чтобы эта власть была достаточно чутка къ интересамъ общества и

связана съ послѣднимъ живыми непрерывающимися узами. Въ психологическомъ отношеніи европейское человѣчество будетъ развиваться въ направленіи все бо̀льшей сложности и разнообразія психическихъ типовъ. Въ связи съ этимъ усложнятся, возвысятся и очистятся нравственныя отношенія, религіозныя теченія достигнутъ небывалой сложности и разнообразія, искусство будетъ блистать богатствомъ и оригинальностью новыхъ художественныхъ мотивовъ и замысловъ, технической роскошью и разнообразіемъ стилей, колоритовъ и настроеній, общественная жизнь и литература послужатъ ареной свободной и законной борьбы разнообразныхъ интересовъ и симпатій, наука и философія укрѣпятъ свои методы, расширятъ умственные горизонты и упрочатъ знаніе окружающей насъ дѣйствительности, техника достигнетъ головокружительныхъ успѣховъ.

Я не боюсь упрека въ чрезмѣрномъ оптимизмѣ: патологію общественой жизни я признаю, допускаю гибель общественныхъ союзовъ, недостаточно крѣпкихъ и здоровыхъ. Значитъ, оптимизмъ, мною исповѣдуемый, — не абсолютенъ, а относителенъ. На него все живое имѣетъ право, потому что онъ—наученъ и соотвѣтствуетъ жизненнымъ интересамъ: вѣдь безъ такого оптимизма не было бы и самой жизни. Конечно, не безъ борьбы и не безъ жертвъ осуществляются великія общественныя задачи, но будущее несомнѣнно, уменьшитъ и количество этихъ жертвъ, сдѣлавъ самую борьбу болѣе культурной и правомѣрной. Вотъ почему „въ надеждѣ славы и добра гляжу впередъ я безъ боязни“.

БИБЛІОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ